

Уральская пленница

Ирина Мальцева

18+

Ирина Мальцева

Уральская пленница

«Автор»

2017

Мальцева И. Н.

Уральская пленница / И. Н. Мальцева — «Автор», 2017

Женский вариант приключений Робинзона Крузо. Только там был остров в океане, а здесь женщина в уральском заповеднике, откуда "только вертолетом можно улететь". А если вертолет сломался?

© Мальцева И. Н., 2017

© Автор, 2017

Ирина Мальцева

Уральская пленница

Уральская пленница

– Уважаемые пассажиры, просим вас пройти на посадку.

Голос в динамике был усталый, с хрипотцой, но для небольшой группы людей, которые провели на этом богом забытом аэродромчике восемь часов, он прозвучал райской музыкой.

Наконец-то! Ольга Кузьмичева подхватила сумку и, стараясь не ступить каблуком в одну из выбоин в старом асфальтовом покрытии, в числе первых покинула зал ожидания.

Утро было хоть и солнечное, ясное, но довольно прохладное. Со всех сторон к летному полю стремились потоки холодного ветра, и укрыться от них не было никакой возможности.

Летное поле представляло собой небольшое продолговатое пространство, с одной стороны огороженное трехметровым забором из стальной проволоки, с другой – начинающимися отрогами уральских гор. Еще с двух противоположных сторон ограждение не просматривалось, и туда уходили ровные взлетно-посадочные полосы со свеженанесенной белой краской разметкой.

В тени, падающей от близких гор, стояли два убитых временем и нещадной эксплуатацией небольших самолетика. Рядом – что-то вроде ангара, но с выходящей на поле стеклянной будкой наверху. На тонкой спице, воткнутой в крышу, трепетал полосатый чулок, указывающий направление ветра.

Их долгожданный самолет только приземлился, и вокруг него сновали рабочие в засаленных комбинезонах. Шла заправка баков, осмотр шасси ну и остальная суета, присущая подготовке транспортного средства к полету.

Зачем их выгнали из зала ожидания так рано? Теперь придется стоять здесь, на ветру, и жалеть, что не надела что-то более теплое и удобное в дорогу, чем этот фасонистый черный костюмчик и модный тренч. Лучше бы надела джинсы и куртку. И, черт, поberi, эти каблуки! Но разве она могла предположить, что застрянет здесь? Вчера ей показалась хорошей идея не трястись до Екатеринбурга на поезде, а добраться туда на самолете местной линии. Вот и сэкономила время! Сейчас бы уже летела в Москву.

На этот раз её предусмотрительность и расчет дали сбой. Мало того, что не выиграла по времени, так еще и может простыть. Ну и ветер!

Группка людей продолжала топтаться в десятке метров от самолетика, проклиная вчерашнюю непогоду и сегодняшнюю неторопливость аэродромной obsługi. Мужчинам хотелось закурить, но плакат на видном месте гласил, что курить на поле категорически запрещено.

Ольге тоже хотелось курить, но сигареты кончились еще в четыре утра, а в киоске зала ожидания, кроме крепких, ничего не было. Ветер пробирал все сильнее. Может зайти за ангар? Там и ветер, должно быть, тише. Все равно еще полчаса, а то и больше придется стоять и наблюдать неторопливую работу механиков.

За ангаром, действительно, было тихо и тепло. Слабый ветерок долетал и сюда, но на длинной прогретой утренним солнцем скамье, ограниченной с двух сторон железными ящиками с песком и стендом с пожарным инвентарем, было приятно сидеть, вытянув усталые ноги и подставив лицо ласковым солнечным лучам.

На этой стороне тоже стояли самолеты, а еще вертолеты, только маленькие, наверное, принадлежавшие частникам. Ближайший вертолет с облупленной краской и множеством вмятин на корпусе, выглядел развалиной. Возле него возился крупный мужчина, небритый, с сальными отросшими волосами, спрятанными под кепкой с длинным козырьком, повернутым назад. На нем костюм с капюшоном из маскировочной ткани, обшарпанные берцы, кожаная

жилетка с выпирающими карманами. Мужчина запихивал в самолет огромные рюкзаки, тюки, ящики и одновременно с кем-то ругался. Со стороны это выглядело так, словно он разговаривал на повышенных тонах сам с собой.

Блютуз, поняла Ольга и прикрыла глаза. Через час с небольшим она будет в Екатеринбурге, а к вечеру точно попадет домой, если погода будет летной. В Москве её ждут неотложные дела, заботы с переездом на новую квартиру, с выбором места очередного отдыха. И Кирилл. Он так был недоволен, когда она сообщила, что должна поехать на похороны, считай, не родного ей деда.

– Он тебе никто, и ты ему никто, – убеждал Кирилл. – Когда вы с ним последний раз виделись, а? У него есть родные, пусть и хлопочут.

Конечно, Кирилл был в чем-то прав, но он не знал главного: именно этот неродной дед помог Ольге в самый сложный момент её жизни. Можно сказать, дал путевку в жизнь.

Петр Петрович был вторым мужем её бабушки Елены Васильевны. Он её взял с двумя уже взрослыми детьми – дочкой Анной и сыном Михаилом. Михаил выучился на пожарного, а через несколько лет сгорел при тушении пожара на нефтеперегонном заводе. Детей у него не было, осталась молодая жена, которая вскоре уехала к родителям в Крым. Анна вышла замуж, родила Ольгу. Жили хоть небогато, но справно, в выходные навещали деда с бабкой, которые перебрались из центра городка на окраину, купив дом с садом. Ольге там не нравилось. Ей были по душе шумные городские улицы, суета магазинов, рынков, массовые гулянья. В школе она училась не то что без троек, но даже без четверок. Учеба давалась легко, память у неё была отличная, учителя не могли на неё нарадоваться. Правда, ни с кем она особенно не дружила, но это её никак не напрягало. Свободное время проводила за книгами, любила решать задания со звездочками по разным предметам, не возражала, когда её отправляли в Екатеринбург на предметные олимпиады. Часто привозила призовые места, и её фотография постоянно висела на стенде «Ими гордится школа».

За три года до выпускного отец ушел из семьи к другой. Мать, оскорбленная до глубины души, не нашла ничего лучшего, как запить. Через полгода её выгнали с работы, её через пару месяцев она пропала в неизвестном направлении. После её исчезновения оказалось, что она втихаря продала квартиру. Никакие обращения в инстанции не помогли, и Ольге пришлось переехать к бабушке. До школы нужно было добираться почти час, но это время девушка тратила на обдумывание дальнейшего своего пути.

Бабушка почему-то думала, что внука поступит в одно из местных училищ – педагогическое или медицинское, на крайний случай попробует поступить в институт в областном центре.

Но Ольга решительно настроилась на Москву. Она, конечно, понимала, что у неё есть единственная попытка, чтобы зацепиться в столице, это поступить в вуз. На какие шиши она будет там жить, не задумывалась, решив, что лучше черствый хлеб запивать водой, но только не возвращаться к себе на Урал.

Получив на выпускном золотую медаль, девушка сообщила о своем решении ехать в столицу, вытерпела слезы бабушки и молчаливый укор неродного деда.

Она знала, что будет трудно, но менять своего намерения не собиралась. Её манил огромный город, знакомый ей по фильмам, его заполненные толпами людей улицы, яркие магазины, широкие центральные площади и известные по книгам узкие переулки старого Арбата.

Стоя на перроне с небольшой дорожной сумкой и пакетом с домашними пирожками, она предчувствовала, что это последние дни в кругу семьи. В какую-то минуту она даже решила остаться, но тут её в сторону отозвал Петр Петрович.

– Вот возьми, – протянул он конверт. – Больше ничем помочь не могу. Надеюсь, твои мечты сбудутся. А если сможешь, то приезжай хоть изредка, ну, там, на каникулы что ли.

Наверное, в первый раз Ольга внимательно взглянула на деда. Невысокий, худощавый, с редкими кустиками волос на голове, печальными глазами. Она знала из разговоров взрослых, что Петр Петрович приехал сюда из Екатеринбурга, где занимал высокую должность, имел семью. Что разрушило его прежнюю, жизнь, девушка не удосужилась узнать раньше, а теперь было поздно.

Уже в вагоне она заглянула в конверт. Деньги. Много денег. Если с умом их тратить, то можно растянуть на пять лет. А уж там она начнет сама зарабатывать и вернет деду все до копеечки.

И слово своё сдержала – вернула Петру Петровичу всё и даже больше. Но не знала, что все эти годы он ждал не денег, а её саму. А Ольга приехала только раз, когда умерла Елена Васильевна. Похороны, памятник, оградку, поминки – все оплатила, все сделала по-людски, не придерешься. Только времени не хватило, чтобы поговорить с дедом, утешить. Снова оставила большую сумму денег и уехала, решив больше сюда не возвращаться.

Но вернуться пришлось, когда врач районной больницы прислал телеграмму: «Ваш родственник в тяжелом состоянии».

Честно признаться, если бы дед умер, она бы не поехала, только бы денег прислала. А тут её что-то толкнуло – надо ехать!

Она успела, застала деда живым. Он долго смотрел на неё своими печальными глазами и молчал. Больничная палата была обшарпанной, дверью соседствовала с общим туалетом. На панцирной сетке тощий матрас, застеленный серой простыней, поверх исхудавшего тела клетчатое байковое одеяло с инвентарным номером. На тумбочке пакет с апельсинами – соседи позаботились.

Говорить им было не о чем. Целая жизнь легла между ними – тринадцать лет. Чтобы как-то загладить свою вину, Ольга заплатила за отдельную палату, купила новый матрас, новое постельное белье, шелковую пижаму, каждый день приносила из лучшего ресторана вкусности, которые чаще оставались нетронутыми. Она рассказывала о своей жизни в Москве, о бизнесе, о сложностях в финансовой сфере, о взяточниках и попрошайках разных рангов. Рассказывала, где ей пришлось побывать по делам или на отдыхе. Дед слушал, иногда чуть заметно улыбался. Он любовался статной женщиной, сильной, знающей себе цену. Вон как перед ней врачи и медсестры забегали. А ведь и голоса ни на кого не повысила. Наверное, и в бизнесе у неё все в порядке, и в семейной жизни.

Вот здесь Петр Петрович угадал наполовину. Да фирма у неё крепкая, с большим потенциалом. Людей она подбирала сама, по человечку, только профессионалов. А вот семейная жизнь почему-то не складывалась. То ли из-за нехватки времени, то ли из-за мужского склада ума, то ли не созрела еще душой. Любовники были, любви не было.

Правда, появился Кирилл Зубов, и впервые Ольга почувствовала, что её потянуло к мужчине. Он был красив, образован, практичен, имел квартиру на Юго-Западе, умел поддержать беседу на любую тему, и в свои тридцать пять лет еще ни разу не был женат.

С Ольгой Кузьмичевой они пересеклись на одном официальном приеме и сразу стали встречаться. Они были похожи в своём стремлении достичь большего, умением работать двадцать пять часов в сутки, не обращать внимания на мелкие житейские неприятности. Даже через год ни тот, ни другой не заговаривал о совместной жизни. А когда Ольга сообщила, что собирается покупать новую квартиру, Кирилл помог ей с выбором района и посоветовал надежную риэлтерскую контору. Оба понимали, что в их отношениях больше дружеского общения и партнерского интереса, чем потребности сблизиться и жить одной семьей.

Однажды Ольга увидела Кирилла в обществе красивой дочери их общего знакомого и почувствовала укол ревности. Она тут же зафлиртовала с главой консалтинговой компании, который давно подбивал к ней клинья, и даже разрешила тому проводить её до дома. Дальше

этого дело не пошло, но уже на следующий день Кирилл предложил ей на несколько дней отправиться в Хорватию, где они впервые заговорили не о «тебе и мне», а о «нас».

Если бы не эта поездка на Урал, на похороны неродного деда, они бы уже неделю назад подали документы в загс, как планировали в Хорватии.

Но что случилось, то случилось: сходят в загс на следующей неделе. Днем раньше, днем позже, никакой разницы.

А мужик возле обшарпанного вертолета тем временем пытался затащить на борт последний тюк, но одному ему было не с руки. Тюк никак не хотел протискиваться в узкий проём, и мужик снова и снова поднимал его, напрягаясь всем телом. Наконец, поняв тщетность своих усилий, он уселся на него и, бормоча что-то злое себе под нос, вынул сигареты.

– А курить здесь запрещено, – заметила неизвестно для чего Ольга. – Вон и плакатик об этом вещает.

Мужик глянул на плакат, потом задержался взглядом на даме, оккупировавшей служебную скамью. Он оценил её формы под модным костюмом, ухоженные темно-русые волосы, слегка подкрашенные серые глаза, а также шикарную дорожную сумку и скромные на первый взгляд серьги, но которые, по его прикидкам, стоили как хороший автомобиль.

С минуту они смотрели друг на друга, потом Ольга отвернулась, а мужик полез в брюхо вертолета.

– А вы не поможете мне? – услышала Ольга через пару минут.

Она приоткрыла глаза, взглянула на стоящего у вертолета мужика, который в очередной раз пытался запихнуть тюк внутрь.

Еще чего, подумала женщина, но встала. Ладно, сделает она доброе дело, а то он так и провозится до ишачьей пасхи.

– Давайте вы наверх, а я тут снизу подам, – мужчина подхватил её за талию и легко поднял над землей. Она вцепилась руками в поручни, перекинула сначала одну ногу через бортик, потом другую. Повернувшись к выходу, потянула на себя довольно объемистый и тяжелый тюк, который снизу толкал хозяин вертолета, но не удержалась на каблуках и опрокинулась назад, с ужасом представляя, как сейчас поклажа раздавит её. Но, кажется, обошлось без травм.

– Не ушиблись? – мужчина смотрел на неё заинтересованно, но не торопился освободить от тюка.

– Руку дай.

– Пожалуйста.

С его помощью она поднялась, поправила тренч, отряхнула юбку.

– Вот возьмите, – мужчина протянул ей платок. – У вас на лице...

– Не надо, у меня есть свой.

Но вертолетчик оказался настойчивым.

– Давайте я вам помогу.

Его рука приблизилась к лицу Ольги, и она прикрыла глаза, ожидая, как платок пройдет по её щекам, лбу.

Она почувствовала прикосновение к коже...

И это было последнее, что осталось в её памяти. Нет, еще она запомнила странный запах паленого. От яркой вспышки в голове мысли и чувства отключились.

Ей снился странный сон. Она едет в поезде, вагон нещадно раскачивается, ей с трудом удается удержаться на верхней полке, чтобы не упасть. На столике в подстаканнике стакан с недопитым чаем, в стакане чайная ложечка, которая бренчит и бренчит, все громче и громче. От этого звука и от качки раскачивается голова, во рту неприятный железистый привкус, а язык так распух, что скоро перекроет проход воздуха к легким.

– А-а-а-а, – вырвалось из пересохшей глотки. Женщине показалось, что она сейчас упадет с полки головой прямо на столик, на котором стоит стакан в подстаканнике, и разобьется.

Но падения не произошло, хотя боль появилась, но почему-то только в кистях рук и шее. Почему она в поезде, куда она едет? Она же собиралась лететь на самолете? И что так больно ей давит в бок? И этот ужасный грохот. Он совсем не похож на стук колес поезда.

Сознание медленно возвращалось к Ольге. Перед глазами маячило что-то серое, неопределенное. Она поняла, что лежит, попробовала пошевелиться – ничего не вышло. Мягкое и тяжелое придавливало её к полу, а от пола исходил лютый холод. Пытаясь освободиться от тяжести, вдруг обнаружила, что её руки странным образом находятся сзади и никак не хотят подчиняться.

Я что, связана? Где я? Что со мной?

– О-о-о-о, – воздух с трудом вырвался из глотки. – О-а-а-а-а!

– Очнулась? – перед ней замаячило небритое лицо давешнего вертолетчика. – Потерпи, немного осталось. Как приземлимся, я тебя развяжу.

Лицо исчезло, и Ольга поняла, что находится внутри вертолета, который нещадно мотают воздушные потоки, вокруг неё тюки и мешки, коробки и ящики. Она лежит на вибрирующем полу, а от рядом стоящей огромной канистры несет соляркой.

Голова гудела, и этому способствовал гул винта и грохот плохо закрепленных вещей.

Женщина попыталась подняться. Без помощи рук сложно. Тогда она подтянула колени к животу, уперлась в один из ящиков и с трудом приподнялась. Со своего места она увидела спину вертолетчика, часть закрытого густыми облаками неба за бортом, а чуть справа... морду огромной собаки с печальным взглядом желто-карих глаз.

Мысли в голове ворочались с боку на бок, но никак не хотели складываться в образы. Она пока ничего не понимала, но животный ужас уже вылез из дальнего угла кабины вертолета и струйкой потек к связанной женщине. И с каждой секундой он все ближе подступал, захватывая сначала малюсенькую часть души, потом все большую и наконец заполнил все существом тягучей лавой, на дне которой исчезло сознание.

В следующий раз она очнулась, когда болтанка и гул винтов прекратились. Вертолет еще подрагивал от недавнего напряжения, но уже твердо стоял на земле.

Что-то больно ткнулось в ногу, потом опять и опять. Ольга открыла глаза. Переступая через неё, мужик выпихивал из нутра вертолета громоздкие вещи.

– Хватит отлеживаться. Давай я тебя развяжу.

Он потянул её как тук, пригнул голову к коленям и чиркнул ножом по веревке, стянувшей кисти рук. Руки безвольно упали вдоль тела. Они не слушались и выглядели чужими: набухшими от перетяжки, темно-бордовыми, с посиневшими ногтями.

Ольга подтянула к себе колени и, опираясь на локти, сделала попытку встать. Но и ноги её не слушались.

– Чем ты меня...

– Электрошокером.

– Зачем?

– Потом.

Голос вертолетчика был неприятно грубым, хриплым от усталости. Он наконец выкинул наружу последний ящик, прыгнул сам, не удосужившись помочь женщине. Она сидела на грязном полу вертолета, краем сознания отмечая, что колготки безнадежно испорчены, юбка не только в пятнах, но и разошлась по шву, одной туфли не было вообще, у второй был оторван каблук.

Со второй попытки ей удалось подняться на ноги. Голова кружилась, к горлу подкатывала тошнота. Костюм неприятно облепил тело, сковывая движения. Оглянувшись, женщина обнаружила в углу свою дорожную сумку.

Захотелось помыться и переодеться. Но вначале нужно было выбраться из вертолета. Короткая металлическая лесенка под тяжестью тела скрипела и вихлялась, пока Ольга спускалась на землю.

Вертолет стоял на ровной площадке, окруженной со всех сторон отвесными горами. Горы по периметру переходили одна в другую, образуя почти правильный круг. Август клонился к своему закату, и отроги гор, поросшие смешанным лесом с густым подлеском, покрылись золотом и багрянцем, подставляя свои пока не облетевшие кроны лучам проглянувшего в разрыве облаков неяркого солнца.

– Где мы?

Сквозь муть в глазах Ольга разглядывала окружающий её пейзаж и не могла поверить, что вместо проспектов Москвы она оказалась в месте, не тронутом цивилизацией. Хотя нет, кое-что здесь было.

На краю площадки, спрятавшись под кронами высоченных деревьев, стоял бревенчатый дом, рядом навес, под которым выстроились в ряд железные бочки, а на обломках кирпичей стояла ванна, некогда белая и блестящая, а сейчас ржавая и в некоторых местах насквозь прогнившая.

Чуть поодаль стояла еще одна хибарка, возле которой были свалены сухие стволы деревьев, пенек огромных размеров с воткнутым в него топором.

– Не стой, бери и неси, – мужчина подтолкнул Ольгу к ящикам и тюкам. – До темноты надо устроиться, что-нибудь сготовить и пожарить. Тут электричества нет.

Это она уже поняла, как и то, что, кроме электричества, тут не было ни людей, ни другого жилья, ни дороги из замкнутого горами пространства. Сюда можно было добраться только по воздуху и так же по воздуху выбраться отсюда.

Плохо соображая, но подчинившись грубому голосу, Ольга потянула за собой мягкий тюк, ощущая босыми ногами холод пожухлой травы и жесткость камешков.

Внутри дом был достаточно большим. В центре печка-буржуйка, возле единственного окна грубый дощатый стол, рядом такие же скамейки. Два сколоченных невысоких помоста по разным сторонам избы, очевидно, предназначались для ночлега. Все свободное пространство было завалено вещами из вертолета.

– Кидай сюда, – мужик указал на один из помостов. – И будь как дома.

Ольга дотянула тюк, взгромоздила его на помост и рухнула рядом без сил.

– Ты что-то совсем расклеилась, – усмехнулся хозяин. – Давай я тебя подлечу.

Он пошарил в одном из рюкзаков, вытащил бутылку водки и резким движением вышиб пробку. Подойдя к Ольге, он притянул её за отворот тренча, запрокинул её голову и сунул горлышко бутылки прямо в рот. От неожиданности женщина даже не сопротивлялась. И только ощутив мерзкий вкус пойла, дернулась в сторону, пытаясь освободиться от жесткого захвата. Но не тут-то было. Вертолетчик крепко держал её и продолжал вливать водку. Чтобы не захлебнуться, ей пришлось сделать несколько крупных глотков, и только после этого мучитель её отпустил.

– Ты, сволочь, – прошептала, – урод, как ты смеешь...

– Ну, вот другое дело, приходишь в себя, – мужик зло прищурил глаза. – Поспи, если хочешь, но лучше бы тебе заняться делом.

– Гад, фашист, упырь, – не унималась Ольга, – да ты знаешь, что тебе за это будет? Да тебя живьем закопают, ты понял?

Если бы она могла, она бы произносила слова жестко, напористо, но вместо этого сипела и откашливалась от попавших в дыхательное горло капель водки.

– Закопают, говоришь? – «упырь» подошел, остановился перед ней. Ей пришлось задрать голову, чтобы видеть его лицо. Водка начала действовать, и лицо врага расплывалось, теряло четкие очертания. – Детка, чтобы сразу все стало ясно, предупреждаю, хозяин здесь я, а ты

так, временная жиличка. Захочу – дам тебе приют, не захочу – вышвырну вон! А чтобы ты усвоила, что все серьезно...

Мощный удар обрушился на женщину. Она даже не успела понять, куда он пришелся – все разом померкло перед взором, и наступило спасительное бесчувствие.

Сколько она пробыла в обмороке, неизвестно, но пробуждение было ужасным. Во-первых, голова раскалывалась от боли так, что выжимало слезы, во-вторых, один глаз ничего не видел, на ощупь вместо него был болезненный отек размером с яблоко. И самое неприятное – она обмочилась, то ли от слабости, то ли от боли. Сырость внизу и запах мочи были непереносимы. Хотелось вымыться, но больше хотелось умереть или хотя бы провалиться сквозь землю от стыда и бессилия.

Собрав волю в кулак, она сумела сесть. Подождала, пока голова перестанет кружиться. В избе еще было светло, и она разглядела за столом хозяина. На разложенной газете ломти хлеба, порезанное сало, вареная картошка. Еду мужик запивал водкой. Лицо его ничто не выражало: ни злобы, ни сочувствия. Он равнодушно смотрел на пытающуюся встать Ольгу.

– Хочешь помыться? Выйдешь и сразу направо. Через десять шагов увидишь ручей. Извини, – хмыкнул он, – горячей воды никто не припас. Нечего было разлеживаться тут.

Нашупав рядом свою сумку, женщина, шатаясь, поплелась к выходу, стараясь не задеть расставленные тут и там ящики и коробки. За дверью пришлось зажмуриться от яркого света, хотя солнце уже наполовину опустилось за гору. В двух шагах от входа женщина увидела собаку. Ольга плохо разбиралась в породах, но однажды видела подобную – это был алабай.

Собака лежала в тени навеса, положив на передние лапы крупную голову, слегка похожую на медвежью. Лапы и спина были серо-коричневого цвета, брюхо, шея и часть морды белые. Вокруг глаз темные круги, такие же темные нос и верхняя челюсть. Собака внимательно наблюдала за женщиной, но не сделала попытки подойти. И вообще никак не отреагировала на неё.

Повернуть направо, командовала себе Ольга, не падать, держаться!

Несколько десятков шагов ей дались с трудом, и прежде чем спуститься к ручью, она посидела на земле, приводя мысли и ощущения в порядок. Все тело болит, значит, жива. Глаз заплыл, но на месте, это хорошо. Зубы, судя по всему, тоже целы. Одежда, что на ней, на выброс. В сумке джинсы, майки, свитер и кроссовки. Даже халат есть. Нижнее белье есть. Еще, помнится, она клала шерстяную юбку и вязаный жилет. Весь этот набор она взяла с собой, когда собралась к Петру Петровичу. Больше недели она провела с ним в больнице, и не могла же в захолустной больничке выпендриваться в своих фирменных шмотках. А когда дед умер, купила черный костюм.

Что еще в сумке? Таблетки, косметичка, в маленьком отделении карточки, немного денег, завещание на дом Петра Петровича.

С этим пока все. Что дальше? Привести себя в порядок. Значит, лезем в воду.

Женщина разделась догола, шагнула в воду. Ручей был неглубокий, но вода в нем ледяная. Но это даже лучше – быстрее в себя придет. Ей необходимо взбодриться, смыть с себя грязь вертолета, остудить горящее от удара лицо.

Так как юбка была испорчена, женщина использовала её в качестве мочалки. Она с остервенением терла себя, плескала полные горсти ледяной воды на лицо, грудь, ноги. Некоторые места отзывались болью. До правой ключицы было не дотронуться. Пригляделась – две темные отметины – след электрошокера. Поясницу саднило, видимо, она её ободрала, когда падала. Кисти рук, хоть и выглядели намного лучше, но при малейшем напряжении отзывались резкой болью, а на запястьях остались синие следы от веревки.

Но Ольга не давала себе слабину. Она терла и терла кожу, обливалась водой и обливалась. Наконец, заледенев окончательно, выбралась на бережок, встала ногами на сброшенный черный жакет. Вытереться было нечем, но это неважно – и так обсохнет.

Через несколько минут, чистая и в чистом, женщина повернула к избушке. Джинсы, темно-синяя футболка и свитер как раз для полевых условий, а кроссовки и носки из ангорской шерсти приятно согревали заледеневшие ступни.

Выполосканные вещи развесила на ветках ближайшего деревца. Пусть высохнут. Юбку, хоть и порванную по шву, она все же решила не выбрасывать. Нечего вещами разбрасываться.

Следующее что она должна сделать, это поговорить с вертолетчиком. Выяснить, по какой причине он привез её сюда. Если ради выкупа, то не стоило забираться так далеко. Отсюда и дозвониться, наверное, невозможно – вокруг стеной горы. Спрятал бы меня где-нибудь, а она сама бы позвонила Кириллу, чтобы тот заплатил, сколько ему скажут.

А если это не с целью выкупа? Может, он маньяк! Ворует женщин, привозит их на эту поляну и насилует. Но, опять, зачем так далеко забираться? Нет, на маньяка он не похож: вертолет, узлы, ящики, этот дом... Зачем он сюда прилетел и зачем она ему?

В доме за время её отсутствия ничего не изменилось. Только вертолетчик перебрался от стола на лежак и, заложив руки за голову, рассматривал прокопченный низкий потолок.

– Нормально? – спросил он, услышав шаги Ольги. – Садись, поговорим. Есть хочешь? Вот сало, хлеб, водки глотни, чтоб полегчало. Водка – хорошее обезболивающее.

А почему бы нет? Есть, действительно, хотелось. Вчера на поминках она какой-то салат ковыряла да минералку пила. А сегодня в местном аэропорту две чашки кофе выпила да половинку шоколадки съела. Побоялась попробовать выставленные на витрине засохшие бутерброды, неестественно желтую курицу и пожухлые апельсины. Сейчас, после купания, желудок мучительно сжался от голодного спазма.

Не церемонясь, Ольга отрезала несколько кусочков сала, уложила их на ломоть хлеба, плеснула в мутный стакан водки.

– За знакомство. Меня Ольгой звать. Ольга Кузьмичева.

– Семён Сурин. Вот и познакомились.

Водка оказалась хоть и теплой, но вполне ничего, не паленая. А сало с чесночком и перцем да с черным хлебушком вообще показались райской пищей. Можно, конечно, разыгрывать из себя обиженную и оскорбленную, но она чувствовала – не тот случай. С Семеном такие игры не пройдут. Жалеть и вытирать ей слезы он не будет, а вот закрыть второй глаз – вполне. Её же главная задача – выйти из ситуации с наименьшими потерями и как можно быстрее. Тем более, играя на чужом поле.

– Может чаю? – спросил Семен.

– Хорошо бы, – с набитым ртом проговорила женщина.

Мужчина встал, из ближнего ящика вытащил закопченный чайник.

– Сходи за водой, – протянул он ей посудину. – Ну, к ручью. А я пока печь затоплю.

Она недоуменно посмотрела на хозяина.

– Да, да, к ручью, – подтвердил тот. – Водопровода здесь не предусмотрено, и даже колодца нет. Да не волнуйся ты, вода здесь в любом источнике, как слеза ангела. К тому же мы её вскипятим.

Ольга отправилась к ручью. Набрав полный чайник, вернулась в избу, где в печи уже разгорались мелкие дровишки. Она протянула Семену чайник, снова села за стол и взяла начатый бутерброд.

– Подожди.

Мужчина, поставив чайник на огонь, уселся за стол напротив неё, тоже отрезал себе сала, выбрал кусок хлеба потолще, вылил остаток водки в стакан.

– Ну, с новосельем тебя!

Он отпил половину дозы, протянул стакан ей, а сам вонзил зубы в бутерброд. Ольга не стала возражать, глотком выпила водку, чуть не закашлялась, но сумела преодолеть приступ и тоже закусила хлебом и салом.

– А ты молодец, не истеришь, – похвалил он гостью. – Другая бы на твоём месте уже вся соплями изошла, а ты крепкая. Уважаю. Вот так пусть будет и впредь.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что мы с тобой сюда не на пикник прибыли. И не развлекаться. Для развлечения я бы помоложе выбрал.

– Тогда почему остановил свой выбор на мне?

– Я не выбирал, так сложилось, – Семен нахмурился. – Я должен был сюда с Алкой лететь, договор у меня с ней железный. Я ей и денег вперед дал. А она, стерва, кинула меня, в последний день исчезла в неизвестном направлении. Сеструха её сказала, что Алка скоро родит и не хочет рисковать здоровьем ребенка. Вот подвела меня, так подвела. А другую искать и договариваться времени не было. Мне здесь без бабы никак. Сготовить, постирать, ну там шкурками заняться... А то, может, для удовольствия тоже... За три месяца здесь без женщины озвереешь. Я уж хотел один лететь, думаю, черт с ними, с бабами, может, обойдусь раз. А тут ты нарисовалась. Сидишь такая на скамье, на солнышко шуришься. Я и подумал: какая разница? Подсуетился, и вот ты здесь. Не бойся, я тебя не обижу, доставлю домой в целости и сохранности. И денег дам, честь по чести.

– Не поняла, а ты что здесь делать будешь?

– Отдыхать, – ухмыльнулся Семен, а потом пояснил: – Я, видишь ли, браконьер, а место это – заповедник. Здесь не то что охотиться нельзя, но даже появляться запрещено. Мне это местечко еще батя показал. Отличный был охотник и по камешкам большой спец.

– Каким камешкам?

– Уральским самоцветам. Тут иногда такие экземпляры попадаются, знатоки с руками отрывают. У меня свои покупатели, берут не торгуясь. А пару раз попадались самородки – серебро и золото. Не веришь?

Ольга пожала плечами. Ей было все равно, что здесь попадается. Ей нужно выбираться отсюда.

– Слушай, – заговорила она после некоторого раздумья, – хочу предложить тебе другой вариант. Ну, сколько ты зарабатываешь за эти три месяца? Я тебе дам в два раза больше. Даже в том случае, если ты через день-два снова вернешься сюда. Да и женщину подходящую найдешь. Как тебе мое предложение?

Семен внимательно разглядывал её лицо, как будто искал какой-то подвох.

– Заманчиво, конечно, – протянул он, – но трудно исполнимо. Это ты сейчас такая тихая, кроткая. А как попадешь на большую землю, так вмиг забудешь свои обещания. Не-е-ет, рискованно. Лучше я здесь свою долю заработаю, чем отвечать за твое, так скажем, похищение. Вы, женщины, мстительны, обид не прощаете. И попаду я как кур в ощиц.

– Я тебе слово даю...

– Так и я тебе даю: сезон закончу, верну тебя на то же место да еще и с барышом.

– Да не нужен мне твой барыш, мне своего хватает! – чувствуя подступающее отчаяние, закричала Ольга. – Я тебе дам карточку банковскую и пин-код к ней, снимешь, сколько надо. Только банк нужно выбрать солидный, а то в мелком может все застопориться.

– Во-о-о, уже начались сложности. А что будет, когда я тебя в тот же Екатеринбург доставлю? Хана мне будет!

Женщина поняла, что все разговоры впустую. Надо отступить, а потом повторить попытку. Может, завтра-послезавтра. Она подумает хорошенько, может, придумает что-то, от чего Семен не сможет отказаться. Думать, думать!

– Ладно, – устало проговорила женщина, – утро вечера мудренее. Мне здесь располагаться? – она кивнула на широкое ложе.

– Давай там, только возьми спальник вот в том рюкзаке. Ночью здесь даже в июле холод пробирает до костей, а в конце лета под утро заморозки. А то бы я себе шалашик смастерил, красота! Если живешь среди такой природы, сам становишься её частью. Ну, вроде зверя.

– Спокойной ночи, зверь.

Ольга достала спальник, развернула во всю длину. Спальник был достаточно новый, не грязный и не вонючий, как можно было ожидать. Вот только простыни внутри не было. Ладно, ненадолго.

Она сняла кроссовки, джинсы и свитер. Футболку снимать не стала.

– Помочь? – Семен взялся за собачку застежки и потянул вверх. Застегнул практически до подбородка. – Как, удобно?

– Пойдет.

– Пойдет, так пойдет.

Через несколько минут он тоже успокоился, улегшись поверх второго спальника на своем месте. Скоро в избе стало совсем темно, но невидимым его мелким обитателям: мышам, паукам, сверчкам и прочим – это не мешало вести свою активную ночную жизнь.

Среди ночи в неплотно притворенную дверь протиснулся пес и, зевнув с завыванием, улегся на пол рядом с Ольгой. А женщина не спала, обдумывала свое незавидное положение. События последнего дня так выбили её из колеи, что даже захотелось заплакать. Но она забыла, как это делается – не плакала, наверное, лет с четырнадцати, когда после развода с отцом пропала её мать. Еще в детстве она усвоила, что слезы делают человека слабее, плачущий человек не вызывает жалости, как это принято считать, а только насмешку. В школе, когда её доводили до слез, она до крови прикусывала себе щеку изнутри, и ни единой слезинки не проливалось. Потом годы упорной учебы, труда и желание выбиться «в люди» настолько закалили её характер, что она сама бы удивилась, если бы заплакала от жалости к себе или злости на саму себя, свою глупость и неосмотрительность.

Согревшись в спальнике, слушая сопение Семена и сонные вздохи собаки, Ольга пыталась вспомнить нечто важное, какие-то слова, на которые она не обратила внимания, но подсознательно чувствовала, что это было важно.

Что же это было? Кто что сказал?

Времени было много, до утра можно было перелистать всю свою жизнь, но она стала перебирать последние дни и часы, когда приехала к Петру Петровичу.

Это связано с ним, напрягала память Ольга. Завещание? Нет. Воспоминания? Нет. Что же, что же? Если только тот разговор за день до смерти деда. Он уже почти не разговаривал, а к вечеру вдруг как-то странно посмотрел на неё и говорит:

– Елена Васильевна ко мне сегодня приходила. Звала за собой. Я согласен. Вот только она тебе велела передать. Как это... – он сморщил лоб, как всегда делал, когда пытался что-то вспомнить, – «Силу дает не ненависть, а любовь. Туча страшна, но проливается благодатным дождем. Ветер опасен, но меняет судьбу. Труден путь, но укрепляет дух». Вроде, так.

– И что это значит?

– Не знаю, но думаю, она хотела тебе сказать, чтобы ты не боялась.

– Чего не боялась?

Дед не ответил. Взял её руку, долгим-долгим взглядом посмотрел на неё, как будто запоминая.

– Она сказала: «Не бойся».

– Хорошо, не буду.

А сама тогда подумала, что давно ничего не боится. Через многое пришлось ей пройти, пока строила свой бизнес, отвоевывала свое место под солнцем, обходила конкурентов и противостояла врагам. Что могло её напугать? Бандит из-за угла или привидение? Смертельный диагноз или тюрьма? Все в жизни может быть, и все можно преодолеть. Ну, кроме смерти,

конечно. Если форс-мажор, то не бояться нужно, а волю в кулак и танком вперед. А эту науку она уже усвоила.

И вот сейчас, лежа в избушке на опушке заповедника, она поняла, о чем предупреждала её бабушка. Она из своего заоблачного далека увидела, что вскоре случится с внучкой. Но почему не предупредила? Могла же передать через Петра Петровича, чтобы ехала поездом, а не выбирала самолет.

Ха, а ты бы послушалась? Ты же внимания на слова деда не обратила, тут же забыла, выбросила из головы! Мнительность тебе не свойственна, к бабкам-гадалкам ты не ходишь, в гороскопы не веришь, и в то, что бабушка в тот день приходила за Петром Петровичем, не поверила, сочла бредом умирающего.

Так что пожелание бабушки не бояться надо принять к сведению. Хотя особенного страха в душе так и так не было. Семена джентльменом не назовешь, но и не дикарь он. Немного поартачится и согласится на её условия. Она заплатит, сколько он скажет, лишь бы оказаться подальше от этого места.

Интересно, кто-нибудь спохватится, когда она не вернется вовремя? А Кирилл? Почувствовал ли он, что она попала в неприятную ситуацию? Будет ли он её искать?

С другой стороны, сколько людей ежегодно пропадает без вести. Многих находят? Значит, надеяться на то, что её быстро отыщут, нечего, а вот постараться самостоятельно отсюда выбраться – это стало бы её очередной победой.

В мутное окно просочился свет луны и озарил избушку изнутри. Закопченный потолок, затянутые паутиной углы, щелястый пол. Все грязное, запущенное. Берлога. При самом плохом раскладе ей придется здесь прожить три месяца, ну, четыре. А если попробовать пешочком через горы? А в какую сторону? И по силам ли ей это будет? Чем-чем, а спортом она никогда не занималась. Даже об утренней зарядке редко вспоминала, а чего было вспоминать, если со здоровьем проблем не было. За все время неделю с простудой пролежала, да раз поясницу прихватило, пришлось идти к невропатологу. Что еще? Голова на погоду побаливает, весной аллергия на пыльцу, немытые фрукты есть нельзя. Как пишут врачи в карточке – «практически здорова».

Горы вокруг не такие уж и высокие. Может, рискнуть?

И она представила, как забирается на гору, как цепляется за траву и корни, выбирает ногой устойчивое положение. Этот же сюжет её преследовал и во сне.

Следующие за прилетом дни были похожи один на другой. Семен натянул на вертолет маскировочную сеть, чтобы с высоты он не был замечен, а потом занялся разбором вещей. Ольге ничего не оставалось, как взять на себя заботу о чистоте берлоги и готовку. За день ей удалось привести избу в приличное состояние, при этом выгрести из-под лежаков, стола и от печки-буржуйки горы слежавшегося мусора. Самым тяжелым и противным было скатать и выбросить два убитых грязью и сыростью матраса.

– И как только на таких они спали? Хорошая хозяйка была эта Алка, – бормотала она себе под нос, – аккуратная. Ха-ха!

Трудно было приспособиться к печке. Хоть Семен и показал ей, как растопить её и сколько дровишек пихать в нутро, но тонкие пруты для растопки загорались и тут же гасли, а пламя не желало разгораться.

Помучившись, Ольга нашла выход: вытащив из выброшенного матраса кусок слежавшейся ваты, она обмакнула его в бочку с соляжкой и сунула в печь. С первой спички вата вспыхнула, а через секунды пламя перекинулось на дрова, и печь натужно загудела, изрыгая в открытую дверцу искры.

– Прикрывай, пожар устроишь! – Семен толкнул дверцу печки и опустил задвижку. – Ты с этим осторожнее, – кивнул он на кусок ваты. – Случаи были, когда от паров солярки одежда занималась, и человек горел, как факел. Я тебе лучины наготовлю, положу вот сюда, повыше, чтобы всегда была сухой. Ничего, привыкнешь.

От этих слов сердце женщины неприятно заныло. Привыкнешь... Неужели придется остаться здесь надолго?

Первые дни они питались консервами. Вскрывали банку говядины с гречкой, кидали в кипящую воду, и в зависимости оттого, сколько там было воды, получался или суп, или каша. Запивали варево чаем или растворимым кофе. Меню было однообразным. Кроме гречки, был еще рис с кусками жира под названием «Плов», непонятное месиво с этикеткой «Мясо цыпленка» и пол-литровые банки: «Щи», «Рассольник» и «Борщ».

В одном из фанерных ящиков были сложены пакеты с ванильными сухарями, пряниками и галетами. Еще здесь были конфеты, большая коробка вафель, мешок с сахарным песком. Пачки чая были упакованы в плотно заклеенный целлофановый пакет, а несколько банок растворимого кофе переложены полотенцем.

Запасся Семен и мукой, и овощами. Были здесь и рыбные консервы.

– А что рыба здесь не ловится? – любопытствовала Ольга. – Зачем кильку надо было тащить или вот эту сайру?

– Килечка и сайра – мировой закусон, как говорил Райкин. А рыбы здесь не переловить. Вот подожди, обустроимся, я тебя на рыбалку возьму, увидишь, какие здесь экземпляры водятся.

За повседневными делами Семен совершенно не проявлял агрессии и даже был по-своему приветлив, охотно помогал женщине передвигать тяжелые вещи, носил воду из ручья и колот дрова, складывая их у входа.

Пока Ольга обустраивала дом, Семен занялся баней: поправил печь, законопатил стены, утеплил тем же матрасом дверь. Несколько сгнивших досок выбросил и настелил новые, правда, необструганные. В бане стояли два металлических бачка для холодной воды, прямоугольный бак, вмурованный с одного боку в печь, откуда надо было ковшом с длинной деревянной ручкой черпать горячую воду. Два алюминиевых таза с помятыми боками, сложенные на полке, завершали интерьер бани.

Баня топилась по-черному, потолок в ней был низкий, и сквозь малюсенькое окно почти не пробивалось света. Но все равно это было лучше, чем плескаться в ледяном ручье. Первый раз зайдя сюда, Ольга боялась, что испачкается в саже, заденет головой потолок, но приловчилась и уже мечтала, как закончит все дела в доме, вымоется и постирает свои вещички.

Наконец наступил банный день, Семен три часа колдовал с жаром, таскал воду и даже наломал еловых веток вместо березового веника.

– Для березовых уже поздно, – пояснил он. – Замочишь такой веник, два раза хлестнешь, и он облетит весь, одни прутья останутся. А елочка и запашистая, и упругая, и к телу приятно липнет. Попробуешь – понравится.

Первым в баню пошел Семен. На пороге оглянулся:

– Может, и ты со мной? Я тебя попарю...

– Нет, – отрезала Ольга. – Иди, я сильно жарко не люблю.

– Как хочешь.

Его не было часа полтора. За это время женщина сварила картофельный суп с рыбными консервами, вскипятила воду для чая и даже выложила красивой горкой печенье и конфеты.

Среди вещей Семена она обнаружила несколько простых полотенец, не новых, конечно, но стиранных и глаженных. Видимо, какая-то женщина его собирала в дорогу. Но не Алка, как пить дать. Та, по всему виду, грязнулей была, и так чисто выстирать и аккуратно сложить вещи, вряд ли, смогла. Наверное, жена или мать позаботились.

– Уф-ф-ф, красота, – в избу ввалился распаренный до малиновой красноты Семен. – Иди, там сейчас само то: жарко, но не жжется, и воды хватит.

– Я постираю?

– Конечно, что зря воде пропадать.

Он блаженно растянулся поверх спального, обмахивая себя концом полотенца.

– Часа хватит? А то есть хочется.

– Постараюсь.

В бане было жарко и влажно. Душистый пар охватил тело женщины, которое сразу в нескольких местах зачесалось. Осмотревшись в полутьме, она взяла таз, налила горячей воды, поискала, чем постирать вещи. На низкой скамейке лежало простое мыло типа «Банное» или «Семейное», которым она пользовалась в студенческие годы. Рядом – брошенные вещи Семена – трусы, футболка, джинсы и носки.

– Отлично, я не только поломойка, повариха, но и прачка, – вздохнула Ольга. – Хотя мне объяснили, для чего сюда женщину берут – для бытового обслуживания и телесных утех. Ладно, не барыня, не развалюсь.

Вначале она выстирала свои вещи, потом приступила к мужским. Стараясь не обращать внимания на резкий запах пота и технической смазки, она намылила вещи, а потом встала в таз ногами и стала месить их, чтобы отошла грязь. Тут никакие руки не выдержат. Чтобы не тратить холодную воду, выполоскать выстиранное она решила в ручье.

Сложив вещи в таз, выставила его наружу, а сама полезла на полог, положила под голову колючие веники и, вдыхая еловый аромат, прикрыла глаза, представляя себя не на закопченном полке крестьянской бани, а в своей ванне, наполненной пеной с хвойным экстрактом.

Потом, сидя на корточках, Ольга тщательно вымыла волосы (благо, флакон с любимым шампунем оказался в сумке), попробовала себя похлестать веником, но кожа воспротивилась, и она просто помахала им вокруг себя, чтобы сильнее стал аромат. Вода была мягкая, мыло хорошо мылилось, и скоро кожа женщины заблестела, на ощупь стала гладкой, как шелк, а во всем теле появилась легкость и в то же время приятная усталость.

Потом она тщательно вытерлась полотенцем, замотала им голову, натянула чистое белье и, подхватив таз, пошла к избе. У порога оставила выстиранное, решив заняться им после.

В доме было все по-прежнему: в печке прогорали дрова, сверху пыхтел чайник, закопченная кастрюля укутана курткой, чтобы варево не остыло. Семен на своем месте похрапывал. Ольга разлила по железным мискам суп, в заварной чайник сыпанула горсть заварки и налила кипятка.

– С легким паром, – послышалось с лежанки. – Баня не только гигиена, но и большое удовольствие. С ним может сравниться только секс.

Ольга промолчала.

– Чего молчишь?

– О чем говорить?

– Ну, расскажи о себе.

Мужчина придвинулся к столу, взял ложку, попробовал.

– А ты хорошо готовишь, – оценил он старания Ольги. – Даже такой простецкий суп у тебя вкусным выходит. А что будет, когда я тебе дичинки принесу! Ела когда-нибудь лосятину? М-м-м-м... Особенно на углях зажарить! Как снег выпадет, принесу тебе добычу, женщина!

Ольга опять промолчала. Да и что она могла сказать? Что не хочет здесь дожидаться снега? Что ей обрыдла эта убогая хижина, и свое время она предпочитает проводить не за стиркой и готовкой, а в своем офисе, с приятными людьми, ночи проводить с Кириллом, а мыться не раз в пять дней, а каждый вечер.

Поев и выпив кружку чаю, Ольга пошла к ручью полоскать белье. На берегу обнаружила лакающую воду собаку. Женщина знала, что её зовут Гелей, и это не первый её полевой сезон.

Геля посторонилась, давая пройти Ольге, потом резко отряхнулась, так что брызги полетели в разные стороны, и спокойно улеглась на берегу, не сводя взгляда с женщины.

Вода в ручье, казалось, стала еще холодней, просто ледяной до ломоты в пальцах, и Ольга в который раз про себя посетовала, что следить за руками в таком месте – бесполезное дело. Хоть бы ревматизм не заработать.

– Что смотришь? – обратилась к собаке Ольга. – Нравится тебе тут? А мне нет, я домой хочу.

Геля внимательно слушала собеседницу, помаргивала глазами в красных прожилках, шевелила верхней губой. У Ольги никогда не было никакого домашнего животного, а крупных и даже средних по размеру собак она боялась. Но глядя на Гелю, страха не ощущала. Напротив, ей казалось, что они обе попали не в то место и находятся рядом не с тем человеком. Как успела заметить Ольга, Семен не заморачивался, чтобы кормить собаку. Видимо, пропитанием Геля обеспечивала себя сама.

– Слушай, разве ты охотничья собака? Мне помнится, алабаи – для пастушьева дела приспособлены. А может, еще ты дичь умеешь загонять?

Ольга присела рядом с собакой, осторожно положила ладонь на мощную холку. Геля чуть напряглась, но не показала своего недовольства или раздражения. Зарывшись в густую шерсть, пальцы женщины плавно скользили по шкуре, отмечая бугрящиеся мышцы спины и шеи.

– Хорошая собака, хорошая...

Геля вздохнула и уронила голову на передние лапы. Ей нравилась ласка женщины, и хотелось, чтобы нежные прикосновения длились и длились. В жизни, если не считать раннего детства, Гелю никто не гладил, не называл ласково, не беспокоился, сыта она, здорова ли. Она давно поняла, что человеку надо служить, не ожидая благодарности или хотя бы одобрения взглядом. Три года она прилетала сюда со старым хозяином, и вот уже два с новым, молодым. Но разницы в отношении к ней того и другого, не видела. До сезона охоты молодой хозяин все время держал её за высоким забором, и Геля видела окружающий мир через узкую щель железных ворот. Только три недели назад ей удалось вырваться на свободу, и четыре дня она провела в заброшенном саду на окраине городка, где собирались бродячие собаки. Среди них были и те, кто удрал от хозяина, и те, кого хозяева отправили пинком на улицу за ненадобностью. Они были несчастны, тосковали по теплой будке и окрику «Ко мне!». Геля пробыла в чужой своре недолго, но поняла, что такая свобода тяжелее цепи и ошейника.

Голодная, нагулявшаяся вволю, Геля добралась до знакомых ворот и улеглась в ожидании хозяина. Тот не удивился появлению собаки, снова прицепил цепь к ошейнику, молча поставил миску с едой, а рядом ведро воды. Больше Геля не делала попыток уйти со двора.

Новая женщина хозяина ей нравилась больше прежней. У той был неприятный визгливый голос, крашенные волосы и запах спиртного. Она частенько кидала в Гелю поленьями или, походя, пинала в бок. Собака оскаливалась, но не решалась зарычать или как-то по-другому проявить характер, помня, что можно схлопотать от хозяина ботинком по ребрам.

Нынешняя женщина говорила тихо, занималась своими делами и каждый день выносила ей остатки еды, оставляя за углом дома. Конечно, этим Геля не наедалась, но такая забота была ей приятна.

И еще какое-то неведомое чувство притягивало собаку к женщине, будто она видела нечто общее между ними.

Когда Ольга поднялась и пошла к дому, Геля побрела за ней. Сегодня она останется, не пойдет на охоту. В последнее время у неё появилась странная слабость и желание больше спать. Так почему бы не побаловать себя!

Геля развалилась у порога, следя, как женщина развешивает под навесом выполосканное белье, как возвращает таз в баню и, замешкавшись у двери, глядит на закатное небо. Все верно, именно оттуда они прилетели, думает собака и закрывает глаза.

Еще два дня Семену понадобилось, чтобы привести снаряжение в боевую готовность. Вытащил и осмотрел рыболовную снасть, расчехлил ружья. Всего у него было три винтовки, одна поновей, а две видавшие виды. Каждую он разобрал, смазал все части, собрал и несколько раз спустил курок, с удовольствием слыша мягкий щелчок.

– Красава, – гладил он ложе винтовки. – Скоро на дело пойдем. Ох, и соскучился я по охоте! А ты умеешь стрелять?

– Нет, – ответила Ольга. – Раз была на охоте, но так, баловство одно.

– А хочешь, научу?

– Ну, не знаю.

– А что тут знать. Смотри.

Следующий час он объяснял, как прикладывать оружие к плечу, чтобы не было сильной отдачи, как совмещать мушку и цель, как плавно спускать курок.

– Давай сегодня после обеда постреляем, – предложил Семен. – Уверен, у тебя получится – руки сильные, и со зрением вроде нет проблем. Я прав?

– Зрение у меня отличное, – подтвердила женщина. – Только не думаю, что мне доставит удовольствие убивать животных.

– А что тут особенного? Наши предки за счет охоты выживали, да и как спорт охота тоже привлекает. Некоторые ходят в сезон на охоту не ради добычи, а чтобы в лесу побыть, пошатайся на свежем воздухе, у костерка посидеть, байки потравить. Я, правда, не из таких. Меня батя с детства к ружью приучил, да меткость выработал. Я в городском тире десять из десяти выбиваю. А тут, в лесу, такой азарт накрывает, сказать не могу.

– Не жаль зверушек?

– Нет. Я хоть и браконьер, но меру знаю. Возьму столько, чтобы на год жизни хватило, а через год снова сюда на вертолете. Три-четыре месяца здесь потрудились, а остальное время живи, радуйся. В своей автомастерской я бы столько не заработал.

Так в разговорах и нехитрых делах пролетали дни. В первый раз Семен ушел на рыбалку и пропадал до вечера. Пришел довольный, с набитым мешком.

– Ну, хозяйка, готовь уху! – крикнул он от порога. – Знатная уха из речной форели. Гляди, какая красавица, а?

Крупная рыбина в блестящей чешуе отливала серебром, брюшко чуть светлее, и серые полосы вдоль боков.

– Такой ни в одном месте больше не поймает, – похвастал Семен. – А вкусная до чего! Почисть.

Большим ножом Ольга почистила рыбину, порезала на куски. В печку подбросила дров, в большую сковороду щедро плеснула растительного масла. Когда масло зашипело, выложила куски рыбы и четвертинки луковиц. Она решила не заморачиваться, обваливая каждый кусок в муке. Только посолила крупной солью и добавила черного перца. Через минуту по дому поплыл аромат свежей рыбы.

– Это дело надо обмыть, – предложил Семен, вытирая руки затертой тряпкой, используемой в качестве полотенца. – Ты не думай, я во время охоты или рыбалки не пью. Это сегодня с почином, по соточке. Поддержишь?

– Только глоток.

– И то дело.

Ужин получился на славу. Семен рассказывал про рыбалку, про то, как надо солить рыбу впрок, как потом завялить её, чтобы в зиму быть с запасом.

– У меня здесь даже коптильня после бати осталась. Правда, небольшая, но зато продукт выдает отличный. Такой копченой рыбки ни в одном супермаркете даже в столице не найдешь. Там ведь как? Намажут химикатом рыбку, подержат в рассоле и готово. А у меня коптильня на

ольховых стружках, а если туда еще яблоневого веточек добавить, то вообще сказочная рыбка будет. Я обещаю!

Форель со сковороды была обалденно вкусной, а пропитанный жиром лук просто таял во рту. Не хватало только свежего хлеба – магазинные сухари надоели.

– Семен, а как же мы без хлеба будем? Магазина здесь нет.

– И что? Муки два мешка, можно лепех напечь. Сумеешь?

– Никогда не пробовала.

– Вот вы столичные жители! Вас надо учить тому, что любая баба в деревне умеет.

– Я тоже могу то, чего твоя баба никогда не сделает. Каждому свое.

– Да не ерпенься, это я так сказал, – погасил искры её недовольства Семен. – Я тебе завтра покажу. Ничего сложного тут нет.

Улеглись спать, когда небосвод украсился яркими звездами. Из-за отрога показался узкий серп месяца. Новолуние, подумала Ольга. Какое нынче число? Так, вылетела она 29 августа, нелетную погоду пережидали, уже 30 число. Здесь уже вторую неделю, значит, где-то число 14-15 сентября.

Сколько еще дней и ночей ей придется здесь провести? Она сейчас чувствовала себя пойманным в ловушку зверем. И что ей остается? Смириться с положением пленницы или с риском для жизни рваться на свободу? Ничего дельного не приходило в голову. Все, чему её учили в школе, а потом в вузе, не было рассчитано на ситуацию, в которой она оказалась. Все её пятерки, золотая медаль и диплом с отличием здесь негодились. На смену знаниям должно прийти чутье, первобытные инстинкты, главным из которых является инстинкт самосохранения. Надо сберечь здоровье, в том числе психическое, не опуститься, не поступаться своими выработанными за жизнь принципами. Ох, и нелегко это будет.

Незаметно пролетел сентябрь, за ним с ледяными дождями, порывистым ветром, крепкими заморозками и первым снегом октябрь. Семен охотился, приходил довольный.

– Глянь, куницы, а это колонок. Красивый, да? Смотри, как мех играет.

Потом он свеживал тушки, шкурки замачивал в растворе, разведенном в ржавой ванне под навесом, а свежатину бросал в яму за избой, где её находила Геля и быстренько оприходовала. Что оставалось, доедали лесные зверушки. Ни Семен, ни Ольга вначале ничего не замечали в поведении Гели, хотя видели, как раздулся её живот. Они решили, что Геля обжирается мясом, и решили урезать её рацион до минимума.

– Ты скоро свое пузо с места не сдвинешь, – выражал свое недовольство хозяин, когда разлегшись у порога, собака не сразу поднималась, чтобы дать пройти.

Не забывал Семен тренировать Ольгу. Она уже показывала неплохой результат, но только по неподвижной мишени.

– Лес не тир, здесь мишени не прибиты к стене, – вещал учитель. – Прицел должен быть на шаг впереди мишени, и учишься просчитывать траекторию движения.

Ольга старалась. Она и раньше любому делу отдавалась всей душой, доводя навыки до совершенства. Взять хотя бы занятия фитнесом. От природы она не отличалась особой стройностью, не по моде пухлявой была, а хотела выглядеть как те красотки, что постоянно трудились на тренажерах. Через полгода упорных занятий Ольга обрела более рельефные мышцы спины и ног, плоский живот и подтянутость груди. Правда, на размере одежды это никак не сказалось, и как покупала она себе 54 размер, так и покупала. Садиться же на жесткую диету или тем более голодать она не собиралась. Полуголодная юность не сделала её обжорой, но и не заставила отказаться от деликатесов или просто хорошо приготовленной еды. Сама она редко готовила дома – иногда пару горячих бутербродов, реже супчик или любимые оладьи. В обед она предпочитала ходить в ближайшее кафе, а вечерами часто бывала в одном маленьком грузинском ресторанчике.

– Завтра со мной пойдешь, – сказал Семен, вешая ружье на стену. – Вот только экипировку тебе надо сменить.

Ольга до сих пор носила свою одежду – джинсы и куртку, под которую поддевала свитер или кофту, но с ужасом ждала, когда начнутся настоящие морозы. В глубине души она надеялась, что вид раздетой женщины смягчит не знающее снисхождения к слабостям сердце Семена, и он отвезет её к людям.

Но у него все было предусмотрено. Вечером, после ужина, он достал один из тюков и начал вынимать теплые вещи. Размер явно не его, гораздо меньше. На свет появились стеганные штаны и куртка с капюшоном из пятнистой ткани, невысокие дутые сапожки на липучках и толстой подошве, рукавицы, шерстяной тренировочный костюм, носки и шапка-ушанка с завязками.

– Зацени, все новое, только с рынка, – похвастал Семен. – Я о своих женщинах забочусь. Примерь.

Ольга взяла в руки куртку. Сорок восьмой размер. Не подойдет.

– Твоя Алка худышкой была, да?

– Не так чтобы очень, но да, стройная. Только ноги коротковаты были и попа великовата. Да ты не волнуйся, тебе в самый раз будет. Мне со стороны виднее: ты свои телеса растрясла основательно.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что жирок с тебя сошел, вот чего! Натягивай, будет в пору. У меня глаз – алмаз.

Женщина стянула с себя джинсы, надела штаны. В длину нормально, пуговицы на талии с трудом, но застегнула. А ведь и впрямь похудела, только за всеми этими переживаниями не обратила внимание. Так, теперь сапоги. Великоваты.

– Ничего, пару носков лишних наденешь, – посоветовал Семен. – Зимой одной пары любому будет мало. Давай куртку.

Куртка тоже была в пору, только рукава длинноваты.

– Это надо завернуть, вот тут липучки, ими закрепить. Повернись.

В узком пространстве между столом и печкой Ольга повернулась кругом, а Семен придирчиво её оглядел.

– Подвигайся, согнись, попрыгай, – велел он. – Не жмет, не давит? Удобно?

– Вроде да.

– А чего глаза на мокром месте? – прикрикнул с раздражением мужчина. – Не по моде?

– В жизни бы такое не надела, – независимо взглянула на него Ольга. – Я шмотки из Милана привозила, ясно?

– Куда уж яснее, только ты в миланских тряпочках и носа не высунешь за порог, а так хоть на охоту, хоть на рыбалку в любой мороз. Тут главное вечером все на веревку у печки развесить, поняла? За ночь одежда просохнет, теплой будет, утром снова наденешь, и весь день тепло будет. Да, к рукавицам ляжку пришей, да через петлю на куртке продень, а то потеряешь – других взять негде.

Иногда их занятия по стрельбе проходили, так сказать, в полевых условиях. Глубоко в лес и высоко на отроги гор Семен не забирался, так как понимал, что неподготовленная охотница задохнется на первом же километре, поэтому они кружили вокруг поляны, высматривая добычу. Здесь среди могучих вязов и дубов, зарослей ольхи и рябины водились рябчики, глухари, частенько попадались серые куропатки. Проблема была в том, что Ольга не успевала вскинуть ружье и выстрелить до того, как птица вспорхнет со своего места. Все патроны уходили в никуда.

– Ладно, на сегодня хватит, – решал Семен. – Возвращайся, а тут еще похожу...

Едва переставляя усталые ноги, Ольга добиралась до жилья, падала на лежак и лежала, не шевелясь и даже не сняв куртки и сапог.

Потом поднималась и принималась за дела.

Налить в кастрюлю воды, положить туда двух выпотрошенных куропаток, накрошить луку. Останется бросить горсть вермишели, посолить, и готово. Семен не привередлив, готов съесть что угодно, лишь было свежим и очень горячим. Он даже чай пил кипятком и не обжигался.

Ольга глянула на свои руки: обветренные, покрасневшие от холодной воды, с коротко постриженными ногтями, они производили жалкое впечатление.

Видел бы меня сейчас Кирилл или кто-нибудь с фирмы, вздыхала женщина. Хорошо, здесь ни одного зеркала нет. Хотя для Урала и так сойдет.

Суп был почти готов, а Семен все не показывался. Женщина, прихватив ружье, вышла за порог. Ранние сумерки опустились на поляну. Древним динозавром чернел посередине поляны накрытый сетью вертолет. Над вершинами гор загорелась первая звездочка. Еще час, и станет темно. Где Семен?

Она беспокоилась, потому что понимала, случись что с ним, и она пропадет. От голода, холода. Тем более ей самостоятельно не выбраться отсюда. Так что Семен – гарант её свободы.

Вдруг краем глаза она отметила какое-то движение слева от вертолета. Зрение у неё было отменным, и она разглядела ушастого зверька. Заяц!

В секунду она вскинула ружье и выстрелила. Заяц подпрыгнул на месте и замер.

Попала или нет? Ольга кинулась к замершему зверьку. Он лежал, уткнувшись мордочкой в снег, длинные уши повисли на одну сторону. Дрожащими руками женщина подняла зверька. Чуть ниже уха кровавая дырочка.

– Попала, – выдохнула Ольга и прислушалась к себе: что она чувствует? Смесь жалости к зверьку и радость, что её пуля не пролетела мимо. – Вот теперь я охотник!

Вскоре вернулся с добычей Семен. Увидев на скамье тушку зайца, удивленно глянул на жиличку, которая, не торопясь, разливала суп по мискам.

– Твоя работа? – он взял в руки тушку, оглядел рану. – Хороший выстрел. Как удалось?

– Как-то так, – пожала плечами женщина. – Он неожиданно выскочил на поляну и присел, ну, я на автомате и пальнула.

– Теперь я за тебя спокоен, – похвалил Семен. – Без добычи ты не останешься. Завтра со мной?

– Нет, пойду одна, ты на меня плохо действуешь.

– Это как?

– Все время под руку говоришь.

Мужчина промолчал. Ужин прошел спокойно, после ужина Семен занялся шкурками, а Ольга развесила теплую одежду под потолком позади печки, сходила за свежей водой, замочила на завтра гречку. Утром набухшая ядрица быстро сварится.

Уже лежа в спальнике, Ольга еще раз провернула в голове свой удачный выстрел, потом всплакнула от жалости к бедняге зайцу, повздыхала на тему «что с нами жизнь делает» и уснула как всегда без сновидений.

Последнее, о чем она подумала, что теперь она не просто жиличка в доме на поляне, а полноправный партнер.

На защищенной от ветра отрогами гор поляне ветер был редким гостем, а вот ледяная сырость доводила до жуткого озноба, даже если выбегаешь из избы на несколько минут. Да и одежда после дня шатаний отсыревала, делалась тяжелее и за ночь едва успевала просохнуть.

Но жаловаться Ольге было некому. Семёна все устраивало, для него сырость, мороз или неожиданная оттепель проходили незаметно, если это не влияло на количество и качество добычи. Теперь он охотился полдня, а остальное время занимался шкурками. Руки от кислот-

ного раствора у него не просто стали красными, но и покрылись язвочками. Вечерами он смазывал кисти рук какой-то домашней мазью, которая отвратительно воняла, напоминая запахом и цветом мазь Вишневского.

Жизнь текла размеренно, в постоянных заботах, ленивых разговорах по вечерам и десятичасовом сне. Семен вел себя спокойно, а Ольга старалась не провоцировать его на ссоры. Хотя многое её стало сильно раздражать. Например, вечером Семен начинал громко, со стоном зевать, открывая рот во всю ширь. После еды частенько икал, однажды взялся чихать и чихал до слез, до соплей, и все никак не мог остановиться. А ночью бывало... Да что тут говорить: для него женщина была чем-то вроде предмета обстановки. Так чего же её стесняться?

Леса на вершинах гор уже сплошь покрылись снегом, внизу снег покрывал землю и кустарник. Весело смотрелись на белом фоне зеленые свечи елей и пихты – вечнозелёные деревца до тридцати метров высотой, с красивой конической кроной. Ольге нравилось гладить стволы пихты, ощущая под рукой их ребристую поверхность. Тонкие ветви деревьев опускались почти до самой земли, образуя что-то вроде шалаша, укромного местечка, где можно было отдохнуть или переждать непогоду. Иногда Ольга находила на стволах утолщения, заполненные душистой прозрачной живицей. Это природное лекарство она запасла на всякий случай и теперь смазывала им трещинки на руках, а Семену оно помогало при болях в пояснице.

Вот уже несколько дней, как пропала Геля. Семен неоднократно кричал, звал её, но все без толку. Ольга по-прежнему выносила для собаки остатки за порог, но еда к утру оставалась нетронутой, только смерзлась в ком.

– И где её носит? – недоумевал Семен, готовя ружье к охоте. – Не зверь же её порвал! Алабай против стаи волков выдержит. Если только рысь её подкараулила. У этой хищницы повадки коварные: притаится на дереве, не разглядишь, а потом сверху прыгает. Чуть замешкался, и артерию перекусит. А то спину так издерет, что кожа и мышцы в клочья. Видел я такие следы у одного охотника.

Однажды после обеда на поляну заглянуло солнцу. Снеговые тучи разошлись, образовав ярко-синее окошко. Снежные вершины засверкали, пар от незамерзающих горных речек превратился в искрящуюся пыль и оседал на ближних деревьях серебристым облаком.

Семен вернулся с охоты, сбросил добычу под навес, снял лыжи и поставил у порога.

– Оль, воды принести, пока не разулся? – крикнул он в дверь.

Ольга вышла с двумя пустыми ведрами.

И тут они увидели Гелю, приближающуюся к избе. А в пасти у неё был мохнатый комочек. Щенок! Люди застыли. Собака приблизилась, присела на задние лапы, осторожно положила на снег шевелящийся комочек и виновато глянула на хозяина. Семен молчал, но как-то нехорошо. Ольга отметила про себя сузившиеся глаза, заходившие туда-сюда желваки на крепко стиснутых челюстях.

Спокойствие людей обрадовала Гелю, и она потрусилась к дальним кустам.

– Ой, какой хорошенький! – нагнулась к щенку Ольга. – Слепой.

Ни слова не говоря, Семен зашел в дом, проигнорировав стоящие у порога ведра. Ольга вздохнула и сама побрела к ручью. Берега ручья покрылись ломким льдом, но середка не замерзала – слишком сильное течение. По словам Семена, ручей даже в сильные морозы не промерзает до дна. В принципе можно ходить за водой в другое место, только там слишком крутой сход, и пока почва не застыла, выбраться с ведром было проблематично: ноги скользили, и не за что было держаться. Так что пока женщина пользовалась старым источником, а там видно будет.

Вернувшись от ручья, Ольга увидела рядом с первым щенком еще трех. И все были разные: один серо-коричневой масти и с белым брюшком, другой белый с серым чепраком и темным пятном в половину морды, третий в палевых пятнах. Четвертый, на взгляд Ольги, был самым симпатичным: белый с головы до пят, с темными полукружьями над глазами, как будто

кто-то брови ему нарисовал, и коротким галстуком на груди. Не решаясь взять щенков в руки, она разглядывала их, а они искали грудь матери, толкались и ворчали, показывая с первых дней непростой характер.

Вышел из дома Семен. В руках мешок, за плечом – ружье. Взяв за холку собаку, он затащил её в избу и привязал к железной скобе, вбитой в стену для накладного запора. Через минуту, не церемонясь, запихал щенков в рюкзак, закинул на спину и зашагал к одиноко стоящей на краю поляны разросшейся ольхе. Ольга как замороженная тоже потянулась за ним, не понимая, что бы это значило. В избе надрывно взвыла Геля.

Возле ольхи Семен вытряхнул пищавших от обиды щенков на снег, перехватил винтовку и прицельно выстрелил в первого. Выстрел подбросил вверх живой комочек, окрасив нежный мех и снег вокруг красным. Затем был еще выстрел. Двое оставшихся, почуяв смерть, прижались друг к другу в ожидании неминуемого. Охотник перезаряжал ружье. Несколько мгновений хватило, чтобы Ольга очнулась, ринулась к ольхе, схватила щенков и прижала их к себе.

– Зря, – глухо проговорил Семен. – Положи на место.

Женщина промолчала и только отрицательно покачала головой. Она не могла сообразить, что делать дальше, но понимала, что силы у них неравные. Что стоит Семену врезать ей и закончить начатое?

Оставалось одно – бежать! Она рванула в сторону, но обегая ольху, зацепилась за выступающую из-под снега ветку и чуть не упала. Удержалась, только один из щенков выскользнул из рук. Наклоняться и подбирать несчастного не было времени. Она так резво взяла с места, что только снег взлетал из-под сапог. Позади раздался третий выстрел.

Не оборачиваться! Бежать! Быстрее! Она неслась к противоположному краю поляны, потому что к дому нельзя, назад нельзя, а с северной стороны острые валуны преграждали путь к лесу. Там она не пройдет.

Сзади слышались тяжелые мужские шаги и громкий мат в её адрес и в адрес всех женщин, которые «суки похотливые». Услышала она и имя Алки, и еще какое-то, и что-то вроде «путаны с Тверского бульвара».

Пусть хоть оборётся, прыгало в голове Ольги, но она не отдаст ему последнего щенка. Уйдет с ним в лес, пересидит. Может, потом вернется, когда Семен успокоится. Зачем, зачем он это сделал? Чем помешали ему щенки? Ну, ходил же он на охоту без Гели и еще бы походил. Геля сама прокормила бы свое потомство, а там, глядишь, снова пошла на охоту.

– Ты, гад, возомнил себя хозяином не только этого места, но всех, кто рядом с тобой, – задыхалась от бега женщина. – Не нравится, когда из-под твоей власти выходят. Ты же вершитель судьбы, главный... Да пошел ты!

Земля вдруг ушла из-под ног, и она покатила вниз. Через секунду очутилась в ледяной воде. Небольшая речка спряталась под крутым обрывом, и женщина не заметила, как скользнула вниз, погрузившись в воду по грудь. Берега с этой стороны практически не было – только крутой обрыв. Перебираться на другой берег опасно – вдруг там глубоко? В намокшей одежде и со щенком в руках она не выплывет. Значит, надо идти по-над обрывом, искать более подходящее место.

Ледяной панцирь сковал тело спасительницы новорожденных щенков. Вода наполнила сапоги, пропитала каждый миллиметр одежды, идти становилось все тяжелее. Сколько метров она так пройдет? И где Семен?

Ольга задрала голову вверх: мужчина смотрел на неё сверху, и лицо его не сулило ничего хорошего. В какой-то момент ей даже показалось, что он выстрелит в неё, чтобы она вместе со щенком погрузилась в свинцово тяжелую воду речки. Передернув плечами и крепче прижав к себе намокшего щенка, который от ужаса перед смертью даже не пикнул ни разу, она брела по пояс в воде и молилась всем богам, чтобы обрыв кончился.

Кто-то на небесах услышал просьбу замерзающей женщины и послал ей небольшой погожий спуск, поросший колючими кустами с цепкими ветками. Ольга схватилась за одну, вскрикнула от резкой боли, но вытерпела, подтянулась и выбралась из воды. С неё текло и тут же ледяным панцирем заковывало сверху донизу. Чтобы не ооченеть, надо было двигаться. Вперед, вперед. Еще немного.

Выбравшись наверх, она огляделась. Изба была на противоположной стороне поляны, чуть правее, до неё метров четыреста. Сможет ли она добраться до тепла? И что её ожидает там?

– Н-н-нич-ч-чег-г-го, п-п-прорв-в-вемся, – кляцала зубами женщина. – З-з-з-акалив-в-в-вающие п-п-п-роцед-д-д-дуры п-п-полезны...

Вдруг откуда-то сбоку к ней метнулась тень. От ужаса у Ольги перехватило дыхание: Семен! Нет, это Геля.

– Г-г-геля, д-д-девочка, как тебе удалось вырваться? – женщина упала перед собакой на колени. – Держи, вот...

Она протянула мокрого щенка. Собака осторожно взяла того за шкурку, каким-то особым взглядом поглядела на женщину и прыжками помчалась к чернеющей кромке леса.

А ооченевшей женщине оставалось собрать силы и дойти до жилья. Удастся – хорошо, нет, значит, отмучается.

Дошла. Сил хватило, чтобы переступить через порог и упасть между печкой и столом. Её не волновало, что с ней дальше будет, просто у неё внутри не осталось ни искорки тепла, ни капли живой крови. Только ледяная вода в жилах и острые льдинки под веками и в затылке, которые рвутся как крохотные мины, скручивая мозги в толстый неповоротливый жгут.

Жгут все скручивался и скручивался, а потом лопнул от собственного напряжения. Но ей было уже все равно.

...Как приятно нежиться на белом песке теплого океана, как ласково касается ног теплая волна, как щекочат пятки невидимые водоросли и юркие разноцветные рыбки. Она на пляже, сверху припекает тропическое солнце. Сначала она радовалась этому, потом лучи стали обжигают. Надо бы перейти в тень, но такая лень...

Прикосновение ласковой волны приятно, но жар все усиливается, и вот уже волосы, не защищенные шляпкой, начинают скручиваться спиральками, лоб охватывает раскаленный обруч, а в расплавленные легкие не попадает воздух. Она хочет закричать, позвать на помощь, но сухой рот палит как от кислоты, и даже ведром воды невозможно его увлажнить и охладить. Повернуться бок она тоже не может – невидимая тяжесть прижимает её к нагретому песку, не дает свободно вздохнуть.

Почему ей никто не поможет? Она здесь одна? А где Кирилл?

– К-к-к-крил, – шепчут пересохшие губы.

Но вместо улыбающегося лица Кирилла появляется чужое – злое, бородатое. Воспаленные веки прикрывают красноту глаз, зрачки расширены, в самой глубине мелькает страх. Чего он боится? Может, с ней что-то не так?

Женщина пытается пошевелиться, но ей удается лишь повернуть голову. Это явно не пляж, не берег моря... Все вокруг темное, мрачное. Как в подземелье. Где она?

– Оля, Оля, – губы мужчины в отросшей щетине шевелятся, – очнись.

Откуда-то появляется кружка, мужчина приподнимает ей голову, подносит кружку к губам. В кружке теплый чай. Сладкий. С каким-то знакомым запахом. Мята? Нет, липа. В детстве бабушка её поила липовым цветом при кашле. А еще добавляла мед. Бабушка, бабушка...

После чаю в голове стало проясняться. Видения морского берега растворились, на смену им поползли жуткие воспоминания вчерашнего происшествия. Геля, Семен, щенки, выстрелы, ледяная купель. Какой ужас! А почему она лежит? Ночь? Тогда зачем Семен поит её как маленькую? И почему так трудно дышать?

Снова появился Семен. В руках шприц. Расстегивает спальник, поворачивает её на бок и всаживает иглу в бедро. Ольге больно, будто кожу стеклышком режут.

Антибиотик, понимает она, значит, простуда. Он её лечит.

– Семен, – шепчет она, поворачивая к нему голову, – дай пить.

Снова в поле зрения появляется кружка. Она жадно пьет, чувствуя, как теплая струйка течет по подбородку. Теперь язык хорошо проворачивается во рту, и горло уже не так саднит.

Она пытается приподняться, но толстый спальник не дает такой возможности.

– Помоги.

Мужчина подхватывает её и прямо в спальнике, как в коконе, усаживает так, чтобы она спиной опиралась о стену. Теперь ей видна изба, в печке весело горят полешки, сверху исходит паром чайник, на столе укутанная в полотенце кастрюля. Семен наливает из неё бульон в кружку.

– Сможешь удержать? – спрашивает он её.

– Угу.

– Тогда пей бульон, тебе силы нужны. Совсем в скелет превратилась.

Если бы у неё были силы, она бы усмехнулась: ей до скелета, как до луны. Но тут она видит свою руку. Свою? Вот эта тонкая, полупрозрачная, еле удерживающая кружку веточка её рука? Когда же она успела так исхудать?

– Сколько я так?

– Сегодня восьмой день. Думал, не выхожу тебя, – Семен тяжело вздыхает. – Убить тебя мало.

– За что?

– За твои выкрутасы, вот за что! Ты чего тут раскомандовалась? Здесь я главный, и собака – моя собственность! И я устанавливаю правила общежития!

– Ну и устанавливай, кто мешает. Только я причем здесь?

– Вот это я понимаю – женская логика! Вначале лезет под пулю, потом сигает в реку, потом валяется полумертвая, а я, вместо охоты, должен с ней нянчиться! С ложечки поить, уколы делать, ночью каждую минуту вскакивать и слушать, дышишь или уже окочурилась. И ты считаешь, что ни при чем?!

Он почти кричал, и каждое его слово молотком било в висок, вызывая новый приступ боли. Ответить на его обвинения она не могла, поэтому просто закрыла глаза и постаралась отключиться. Как хорошо было там, на океанском берегу. Теплый песок, ласковая волна, тишина...

Где ты, далекий южный берег? Увижу ли я тебя вновь, услышу ли шум прибоя, крики чаек, хруст песка под ногой? Она бы год жизни отдала за возможность оказаться сейчас далеко отсюда, чтобы не видеть это обросшее лицо, не слышать злых слов и не сжиматься от боли, когда игла входит в тело.

Проходили дни – отступала болезнь. Благодаря заботе Семена и его предусмотрительности. Вот что значит бывалый охотник – запасся лекарствами на все случаи жизни. Кто знает, что было бы, не окажись в его аптечке упаковки антибиотика. Лекарство выполнило свою задачу, а уход и внимание со стороны Семена довершили дело.

Ольга уже потихоньку вставала, двигалась по избе, делала кое-какие домашние дела: то картошку почистит, то кашу сварит. Семен оставлял её без опаски одну, но старался приходить засветло.

Однажды Ольга спросила его о Геле. Он зыркнул зло, но ничего не ответил. Собака не появлялась. Наверное, больше не доверяла человеку и растила щенка в лесу. Она, конечно, не пропадет, не останется голодной, но Ольге так не хватало Гели, её преданного взгляда, выразительного сопения и благодарного прикосновения к руке, когда та получала свою порцию еды.

Частенько женщина выходила за дверь, оглядывала пространство в надежде увидеть лохматую подружку. Возвращаясь с охоты, Семен иногда сообщал, что видел следы, то ли волчьи, то ли собачьи. Непонятно было, смягчился он по отношению к собаке или нет, а женщина не заводила разговора, потому что видела, насколько это его раздражает. И вообще со временем она начала понимать, что агрессия Семена возникает только в ответ на чью-то агрессию. Если с ним разговаривать грубо, дерзко, не соглашаться, он впадал в ярость и мог ударить, оскорбить, толкнуть так, что костей не соберешь. Видать, характер у него такой был от природы. А вот если уступать ему, соглашаться, то он был вполне обходительным.

Чего стоила его забота о ней, больной. Семен не только поил её, лечил, но и на горшок сажал, и обтирал уксусной водой, и компрессы на горло ставил. Не забыл даже сухой горчицы ей в носки насыпать. Она ему благодарна за свое спасение, несмотря на то, что причиной её болезни был именно он. Может, не надо было встречать между ним и Гелей? Жалко, конечно, пушистиков, зато она не искупалась бы в ледяной купели, не подхватила воспаления.

Но женщина признавалась себе, что не смогла бы бездействовать, когда щенки погибали от метких выстрелов. Хотя чему удивляться? До сих пор, как заходит разговор об Алке, Семена корежит от ненависти, причем не к Алке как таковой, а к Алке и её ребенку. Может, у него бзик по поводу детей, и он ненавидит все, что относится к рожденным и не рожденным, будь то человеческие детеныши или звереныши?

Знала она в своей жизни довольно симпатичного мужчину, по которому сохли многие красавицы. Да и он не обходил стороной очередную блондинку, брюнетку или рыженькую. Женившись по любви, он не мог надышаться на жену, возил её по пафосным местам, на острова, заваливал подарками, был на седьмом небе от счастья, когда она забеременела. И что же? Не успела жена выйти из роддома с сыном, как муж охладел к ней, брезгливо морщился, когда она дотрагивалась до него, и не выносил присутствия ребенка. Он жаловался, что ребенок беспокойный, от крика нет покоя ни днем ни ночью, что жена обабилась и не вызывает в нем прежнего чувства. Развелись.

Через два года он женился вновь. Опять счастье, любовь, поездки, подарки. Мир и благодать до момента, как женщина вышла из роддома с младенцем на руках. Тут папашку снова как подменили. Повторилась та же история.

Старший брат незадачливого отца посоветовал сходить к психологу. Тот согласился, долго выслушивал советы и пожелания, но так и не понял, почему его отношение к женщине меняется, когда на свет появляется ребенок. Его ребенок!

Загадку разрешил один доморощенный экстрасенс, но верить ему или нет, мужчина не знал. Тот сказал, что у такого здоровяка, спортсмена и пробивного бизнесмена детская карма. И именно она не терпит рядом с собой никаких детей. Вот такой порок. И сделать с этим, по словам экстрасенса, ничего нельзя. Происки бога.

Не поверил экстрасенсу, женился в третий раз. История повторилась. Чуть руки на себя не наложил. Опять выручил старший брат: познакомил его с женщиной, которая в их тусовке была известна тем, что не терпела никаких детей. Даже племянников, детей своей сестры. Её раздражали детский лепет, раскиданные по квартире игрушки, пугали изменения, которые происходили во внешности женщины после родов. Никогда и ни за что, говорила она всем, когда заговаривали о том, что пора бы уже обзавестись потомством.

Это была ЕГО женщина. Сейчас они живут душа в душу, снисходительно улыбаясь и переглядываясь, когда кто-то заводит речь о детях, наследниках и прочем.

Может, и Семен из той же породы и не терпит рядом детей? Тогда все понятно. Алку он не простит, и Гелю не простит. Бедная собака, что с ней будет? Неужели Семен бросит её здесь со щенком? Нет, она не допустит этого. Уговорит, пригрозит, денег предложит, но Геля здесь не останется.

Конечно, собаку придется забрать с собой. Но она что-нибудь придумает: приют или объявление повесит: «Отдам в добрые руки». Не может быть, что такая собака никому не будет нужна. Она же умница, красавица!

Тепло из избы постепенно выдувалось. Надо идти за дровами и раскочегаривать печь. Может, приготовить что-нибудь особенное, так сказать, в благодарность за спасение. Можно, например, испечь булочек. Семен уже показывал ей, как готовить тесто. Если она поторопится, то к вечеру успеет.

Сказано – сделано. Разболтать сухое молоко, добавить сахарного песка, немного муки, пакетик сухих дрожжей, поставить ближе к печке. Как забродит, добавить муки, соли, масла, помесить и еще подождать немного. Потом основательно вымесить, нарезать одинаковые комочки, разделать руками в лепешки, вместо начинки положить карамельки, снова закатать и на сковороду. Как дрова прогорят, угли расшвырять ровненьким слоем и на них поставить сковороду. Главное, чтобы не горящие дрова были, а угли. И не проворонить, а то булки будут жесткими или сгорят.

На все про все ушло часа три. Когда окно занавесилось сумерками, у порога слышались шаги охотника. Он долго возился под навесом – свеживал тушки. Вошел усталый, но лицо было довольным.

- Что случилось? – спросила Ольга. – Лося подстрелил?
- Может, и лося. Не веришь в мои способности?
- Верю. Раздевайся, мой руки, будем ужинать.
- А чем это пахнет? Неужели хозяйка пирогов напекла?
- Булочки с конфетками.
- Не верю.

Не вступая в дальнейшие пререкания, Ольга разрешила на куски копченую рыбку, из-под спальника достала кастрюлю с разварным горохом, а потом с полки сняла картонку, покрытую чистой тряпкой. На картонке штук восемь поджаристых колобков.

- Сегодня пир на весь мир, – хмыкнул Семен. – Придумаем повод?
- Ну, повод один, – медленно проговорила женщина. – Сказать тебе спасибо за мое спасение.
- Осознала?
- Ольга промолчала.
- Ты поняла, что была не права? Еще раз повторяю, это моя территория, я здесь хозяин! И все здесь происходит только с моего разрешения. Усвоила?
- Да.

– Тогда выпьем? И чтобы сразу все было ясно и до конца, скажу: попадется мне Геля со своим отродьем, я его порешу. И ты мне не сможешь помешать.

Выпили, не чокаясь, как будто заранее помянули малыша-пушистика.

Где ты, Геля? Как твой щенок? Хорошо ли ты его спрятала? То что ты выживешь в дикой природе, в том нет сомнения. Но не попадайся на глаза хозяину. Не оставляй следов, иначе он тебя легко найдет, где бы ты ни спряталась. Может, еще свидимся.

Ужин проходил мирно, а во время чая с булочками хозяина и вовсе потянуло на воспоминания.

– Знаешь, откуда все это? – неопределенно взмахнул рукой Семен. – Здесь раньше была опытно-научная станция, вернее, это часть её. Если смотреть от середины поляны на север, то через несколько километров была еще одна, точно такая же, а еще севернее третья. Может, еще дальше были станции, не знаю. Мне отец рассказывал, что работал при одном НИИ рабочим.

Как начинался полевой сезон, то бригады из трех-четырёх человек расходились по таким вот станциям и вели наблюдения, как говорится, за флорой и фауной Урала.

Тогда до долины натуралисты добирались на лошадях, ни о каких вертолетах и речи не было. Вход в долину был через единственный перевал. Только местные знали тропу, по которой можно было пройти и не заблудиться в многочисленных каменных ответвлениях, заросших кустарником и засыпанных крупными валунами и мелкими камнями. Эти осыпи были главной опасностью: чуть в сторону сошел, и земля под тобой едет. И где ты окажешься, никто не мог предположить, многих таких оступившихся больше никто не видел. Даже лошади пропадали без следа.

После перевала тропа расходилась в две стороны: одна вела на юг, другая на северо-запад. Ученые расходились и весь сезон жили вот в таких типовых избушках, исписывали тетради наблюдениями, делали замеры и прочее. Рабочие, которые их сопровождали, обеспечивали их быт и смотрели, чтобы дикие животные не напали на лошадей, ведь лошади были единственным средством передвижения через перевал. Потеряешь животину – на себе попрешь весь собранный материал.

Семен долил себе еще чаю, взял очередную булочку.

Из его рассказа выходило, уже тогда отца поразило богатство долины, зажатой между отрогами гор. Зверья здесь было видимо-невидимо, так как в заповедник никто не совался с ружьем или капканом. В быстрых горных речках частенько попадались золотые или серебряные самородки. Небольшие, конечно, но если постараться, за сезон до килограмма и больше можно было насобирать.

Однажды отец Семена разговорился с одним из ювелиров, что работал по частным заказам, и тот предложил хорошие деньги как за самородки, так и за интересные экземпляры уральских самоцветов. Вот тогда дело пошло! После каждого сезона отец Семена имел выручку, намного превышающую его годовую зарплату. Тот же ювелир посоветовал деньги не транжирить попусту, а при случае покупать валюту и складывать в чулок.

– Батя у меня прижимистый был, хорошо, если с зарплаты килограмм пряников купит да сестренке шоколадку. Всегда говорил, что зарплата рабочего не велика. Правда, копченым мясом и рыбой он нас обеспечивал – охотником и рыбаком был отменным. Это продукт у нас всю зиму не переводился.

Кстати, ученые часто спорили между собой, с кем на этот раз пойдет расторопный рабочий, который обеспечивал их свежей рыбой и дичью. Видать, другие больше полагались на консервы, что выдавались каждой бригаде на сезон. А те, что с отцом Семена проводили сезон, не только свежатиной питались, но и весь запас тушенки-сгущенки, что полагался им, между собой делили и домой несли. Вдобавок каждому доставался небольшой запас копченой рыбы или вяленого мяса. Всем было хорошо. Поэтому на частые отлучки рабочего в горы ученые закрывали глаза и, возможно, даже не догадывались, что кроме рыбалки и охоты, тот занят поиском самородков и самоцветов.

– О том, что у бати есть долларовая заначка, я узнал, когда перестройка грянула. Но отец тогда уже не работал в НИИ, да и самого НИИ уже в помине не было. За несколько лет до того случилась в долине беда.

В тот год что зима, что весна были неустойчивы в плане погоды: холод резко сменялся теплом, потом снова налетал ледяной ветер, и так полгода.

Натуралисты долго не могли отправиться в долину. Только соберутся – ливень, только переждут и снова соберутся в путь – еще какая-нибудь напасть. Как потом оказалось, это их и спасло. После очередного затяжного ливня многотонная каменная громада сдвинулась и понеслась вниз, сметая все на своем пути. По мнению ученых от двух верхних станций не осталось и следа, а до самой южной добраться было невозможно, так как перевал закрыли огромные валуны. Обойти их не было никакой возможности.

На том полевые сезоны и закончились, а вскоре и сам НИИ прекратил свое существование из-за нехватки финансирования. Ученые разбрелись по фирмам и частным лабораториям, кто-то ушел на пенсию. Долина так и оставалась заповедным местом, которое даже нечего было охранять – никому не удавалось туда добраться ни пешком, ни на лошади.

– Кто больше всех горевал об утерянных возможностях, так это батя. За годы он так пристранился к вольной жизни на природе, где, как говорится, под каждым кустом и стол, и дом, что просто заболел. Пить начал. А потом ему опять тот ювелир помог. Намекнул, что военные за бесценок распродают технику и посоветовал купить вертолет. Деньги у бати были, но летных корочек не было. И что ты думаешь? Пошел учиться в ДОСААФ! Просто отличником стал.

Денег из заначки отец Семена не жалел на учебу, знал, что все окупится. Года через три, весной, он в первый раз полетел в сторону долины. Ему тогда не повезло – на подлете туман накрыл все вокруг, словно заповедник никого не хотел пускать к себе. Отец не расстроился, подождал. Опять полетел, уже летом, – опять незадача: движок забарахлил. Пришлось ставить «птицу» на ремонт. Пока разобрали-собрали, отладили, осень наступила. Решил охотник попытаться в последний раз счастья. В самом начале сентября загрузил машину всем необходимым, двинулся к заповеднику. Видимость прекрасная, погода само то! Несколько кругов сделал над предполагаемым местом расположения южной станции, пока не разглядел знакомый дом. Сел на поляну. Теперь он был полноправным хозяином этого места! Мог охотиться, рыбачить, искать самородки хоть двадцать четыре часа в сутки, и никто ему не указ!

– Так начался наш с батей бизнес, – с удовольствием вспоминал Семен. – Потом его ревматизм одолел, и он уже не смог больше сюда прилетать, зато меня всему обучил. Теперь я – хозяин всего этого. Поняла? И не смотри на меня так. Каждый зарабатывает себе на жизнь, как может. Этот сезон у меня четвертый! И заметь, все это время было хорошо, пока Алка, гадина, не сорвалась! И с тобой я ошибся, – Семен, прищурившись, глянул на собеседницу. – Чувствую, много еще хлопот мне доставишь. Ну да ладно, еще пару-тройку недель и домой. Потерплю. Но и ты потерпи, не мотай мне нервы.

Ноябрь засыпал долину снегами. Снег погасил все звуки, все движение вокруг. Поляна выглядела застывшей, сказочной, словно зачарованной, околдованной волшебником. Сквозь ватную тишину едва пробивался скрип несмазанных петель входной двери или стук топора. Тишина давила на уши, хотелось сглотнуть как в самолете при посадке, чтобы прорвались посторонние звуки. Тишина подавляла волю, не хотелось утром вставать, приниматься за дела, не хотелось выходить из тепла и видеть перед собой снег, снег, снег.

– Встряхнись, – увещевал Ольгу Семен. – Совсем рассиропилась. Алка в таких случаях стакан с утра примет и давай песни петь. Налить?

Ольга мотала головой и безвольно прислонялась к горячему боку печки. Она встанет, приготовит обед, но не сейчас. Не сейчас. Снежное безмолвие взяло её в плен, выдавило из сознания картины прошлого и настоящего. Ничего не хотелось.

Понимая, что жиличка не справляется с ситуацией, Семен принял, как ему казалось, единственно верное решение: однажды утром перед уходом на охоту он собрал в кучу вещи женщины, лыжи, её саму и выкинул из дома. На снег. Не торопясь навесил на дверь амбарный замок.

– Не хочешь замерзнуть, двигайся, – сказал напоследок и двинулся к лесу.

Растерянная Ольга минут пять сидела неподвижно, ошеломленная поступком хозяина. Но мороз быстро привел её в чувство. Преодолевая внутреннюю меланхолию, она натянула на себя теплую одежду, встала на лыжи. Семен сказал: «Двигайся», значит, она будет двигаться. Можно обойти поляну по периметру, можно дойти до ближайшего ельника, а можно проверить, не замерз ли ручей. Так и не выбрав маршрута, Ольга двинулась в сторону вертолета, замаскированного не только сеткой, но и налипшим снегом. Огромный сугроб посреди поляны.

Семен обещал, что скоро они отправятся домой. Это хорошо. Дом. Квартира. А еще у неё своя фирма. Что там происходит без её руководства? Наверное, все развалилось. Конечно, кому какое дело, сколько сил и нервов она вложила в собственное дело, сколько ночей провела без сна и отдыха, когда боролась за место под солнцем. А конкуренты? Эти акулы, без сомнения, уже сжевали без остатка все, что наработано таким трудом.

Странно, но Ольгу перспектива потери фирмы сейчас не очень пугала. Вернее, совсем не пугала. Возможно, это было воздействие белого безмолвия, когда чувства инертны, а мысли не могут пробиться сквозь толщу белоснежного покрывала, когда мороз выстуживает эмоции, оставляя единственное – инстинкт самосохранения. Вот он-то и заставил Ольгу двигать ногами быстрее.

Вдруг вспомнились уроки физкультуры в школе. Она их не любила, но в погоне за отличным аттестатом не пропустила ни одного урока, старалась выполнить все нормативы, заработав похвалу учителя.

Гонка на дистанции в пять километров по пересеченной местности была особенно не любима ею. Она не видела никакого смысла в этих спусках и подъемах, в крутых поворотах и ускорениях. Но учитель ставил за третью четверть пятерку только тем, кто уложится во время, и она старалась. Мокрая, злая, она добралась до финиша, дав себе слово, что никогда больше не встанет на лыжи. И это ей удавалось до сегодняшней ситуации, когда без лыж передвижение по долине просто невозможно. Правда, она уже не раз с благодарностью вспомнила физрука, который пусть и не привил любви к зимним видам спорта, но технику с учениками отработал, научил экономить дыхание и правильно себя вести на склонах. Сейчас это все пригодилось, а если бы не те уроки, Ольга могла бы уже не раз свалиться с крутого пригорка, переломав кости.

В студенческие годы Ольга избежала лыжных гонок, записавшись в секцию волейбола. Их тренеру ничего не стоило отпросить девчонок с физкультуры и отправить в спортзал отрабатывать новые приемы подачи и отражения мяча. Тренер не раз хвалил Ольгу за упорство и трудолюбие, приглашал в сборную института, но та не соглашалась: слишком много тренировок в ущерб учебе. А учеба для неё стояла на первом месте, потому что только учеба могла открыть ей путь в будущее, где нет бедности, где ты сама решаешь, как тебе жить, что делать, с кем дружить, кого любить.

В своем стремлении устроить жизнь по собственному разумению Ольга напоминала танк: не было ни одного препятствия, которого она бы не преодолела. Пока другие наслаждались радостями столичной жизни, она просиживала в библиотеке, где не только читала все, что касалось специальности, но и внимательно просматривала российские и зарубежные печатные издания, касающиеся бизнеса. Пару раз её посылали от института на научно-практические конференции, где её выступления имели успех. Там же она знакомилась с теми, с которыми впоследствии сотрудничала, ставя свой бизнес на ноги.

Она не жалела времени на изучение биографий богатых людей, одной из первых на курсе освоила основные правила игры на бирже, потом записалась на спецкурс по бухучету, подружилась с Павликом Штемом, отличником с юрфака, и покорила его искренним интересом к симбиозу экономических и юридических знаний.

Короче, к выпуску из института она была не только интеллектуально подготовлена к самостоятельной деятельности, но и приобрела навык работать на износ, заводить нужные знакомства, а свои истинные чувства держать при себе.

Для флирта, влюбленности, каких-то отношений у неё не было времени, да и интерес к противоположному полу не пробивался сквозь толстую броню деловитости недавней студентки.

Её первый роман совпал по времени с регистрацией собственной маленькой фирмочки. Он был её сотрудником. Талантливый аналитик, хороший организатор и довольно приятный в общении мужчина. Он был так не похож на тех, кто окружал её все эти годы, что она решила,

что влюбилась. Несколько недель встреч, походов в ночные бары, оканчивающиеся в ближайшем отеле, одна поездка в Питер. Потом она узнала, что он женат, к тому же имел еще одну любовницу, гораздо старше себя по возрасту, но богатую, веселую, которая обеспечивала ему отдых за границей.

Отношения прекратились, хотя они продолжали работать вместе. Сделали вид, что ничего особенно не произошло. Когда фирма Ольги расширилась, она назначила своего бывшего любовника руководителем одного из отделений. Теперь они встречались на деловых совещаниях и редких корпоративах, но о прошлых чувствах ни он, ни она не вспоминали.

Со временем Ольга поняла, что и чувств особенных тогда не было, так зов природы, не более. Ей подумалось, что любовь всей её жизни впереди, и нечего торопиться, надо встать на ноги, оглядеться, не бросаться на первого, кто проявил к ней интерес, а присмотреться, просчитать все плюсы и минусы.

Все так и случилось. Были, конечно, скоропалительные романчики, влюбленности на пару недель, поездки на экзотические курорты и в Европу за впечатлениями. Впервые сердце ворохнулось в груди, когда она встретила Кирилла. Состоятельный, хорошо воспитанный, интересный внешне, деловой, но не лишенный некоторой сумасшедшинки, он пользовался бешеным успехом у женщин. Рядом с ним видели то известных бизнес-леди, то юных моделей, то дочек высокопоставленных чиновников или рейтинговых спортсменов, а также погнавшихся за птицей счастья певичек или никому не известных особ, но красивых до картинности.

Кирилл, как и Ольга, всем существом отдавался делу, именно оно стояло в его планах на первом месте. Ради него он мог покинуть самую крутую тусовку и умчаться за сотни километров, если требовало дело. Руководителем он был жестким, но справедливым, его сотрудники держались за хорошо оплачиваемую работу и тоже трудились, как их шеф, не глядя на часы.

Их роман развивался по восходящей. Правда, отдавались они ему дозированно – в определенные дни и часы. Если у кого-то возникал на работе форс-мажор или требовалось задержаться на неопределенное время, никаких обид, переживаний и подозрений, что появился соперник или соперница. Им и в голову не приходило ревновать друг друга, разве что к работе. Но это было глупо, потому что оба страдали трудоголизмом и с пониманием относились к поспешным звонкам: «Извини, запара, давай через два дня встретимся». Другой, услышав такие слова, не впадал в уныние, а тихо радовался, что появилось время, чтобы разгрести небольшую кучу дел, которая образовалась за неделю, что они пробыли, например, в Амстердаме на цветочном фестивале.

Иногда Ольга спрашивала себя, а нравится ли ей Кирилл настолько, чтобы выйти за него замуж? Чаще всего на свой же вопрос она отвечала утвердительного, потому что второго такого подходящего ей по всем параметрам человека судьба вряд ли ей подарит. Он был Её, причем в любое время, в любом месте, в любых обстоятельствах.

При этом ей приходило в голову, что где-то в глубине мозга она воспринимает Кирилла как большую тарелку пельменей. В детстве и юности пельмени для Ольги были лучшим блюдом на свете. Она их могла уплетать по три раза на дню. Когда началась борьба с лишним весом, она могла ничего не есть пару дней, только пить воду, но в конце голодовки съесть штук двадцать пять пузатеньких жирных пельмешек с черным перцем и уксусом.

Конечно, она пробовала самые экзотические кушанья в своих многочисленных поездках или в лучших ресторанах столицы, но пельмени оставались главным блюдом в её жизни. И перебиваясь французскими салатами, итальянскими закусками, венскими пирожными, острой юго-восточной едой, она каждую неделю лепила пельмени и устраивала себе праздник души и тела. После пельмешек с бульоном и приправками ей на ум приходили самые умные мысли, её воля крепла, а неприятности и недоразумения виделись мелкой шелухой, не стоящей внимания.

Вот и Кирилл ею воспринимался как любимое блюдо. Есть на свете и лучше, и умнее, и перспективнее, но как она не променяет ни на что другое пельмени, так и не хочет никого рядом, кроме Кирилла.

– Эх, сейчас бы пельмешков, – сглотнула слюну Ольга. – Сообразить что ли? Мясо есть, пусть лосятина, мука еще осталась. Решено! Сегодня будут пельмени!

Перспектива вкусно поесть заставила её быстрее передвигать ноги, хотя слабость после недавней болезни давала о себе знать.

Чтобы попасть в дом, она просто скovyрнула замок топором. Пусть хозяин злится, ей то что. Она пельменей захотела.

Мясорубки в доме не было, и пришлось ей рубить мясо на малюсенькие кусочки острым тесаком, которым Семен разделывал тушу. Вспомнив, как её бабушка добавляла в фарш гoсть свежего снега, Ольга тоже так сделала, потом порубила лук, добавила соли и перца. По избушке поплыл запах, вызвавший голодный спазм.

– Так, теперь тесто, жаль, яиц нет. Ладно, и так сойдет, сделаю чуть круче.

Руки привычно месили тесто, лепили похожих на поросят пельмени. А на огне исходил сытным духом бульон из костей.

Чтобы переждать время до прихода Семена, женщина присела у низкого окошка и вновь устремила память к недавнему прошлому.

Почему они так долго тянули со свадьбой, пришло ей в голову только сейчас. Почему они обустроили свои собственные автономные мирки, которые не имели точек пересечения, кроме встреч где-то на нейтральной территории? Только сейчас ей стало понятно, что их автономии при всем желании не смогли бы слиться в единое целое. Значит, им пришлось бы после свадьбы строить общее жите-бытие. А что делать с тем, что уже построено? Держать про запас? Как запасной аэродром? Или при необходимости время от времени выходить из общего и прятаться в свою автономию?

– Странно... Почему раньше это не приходило мне в голову? И почему пришло сейчас? Жизнь под одной крышей с Семеном тому причина?

А если бы на месте Семена оказался Кирилл? Вот на этой поляне, в этой убогой хижине, с необходимостью добывать себе пропитание?

Она пыталась представить, что напротив за столом сидит Кирилл. В маскировочном теплом костюме, небритый, без намека на парфюм. Он ест из металлических мисок, куском лепешки вычищает сковороду после жареной рыбы, пьет из алюминиевой кружки чай с карамельками. А раз в неделю парится в бане. И каждый день уходит на охоту или рыбалку, часами обрабатывает шкурки, вялит или коптит рыбу. И после трудного дня еще ухаживает за ней, говорит комплименты, целует руку, проводит ласково рукой по волосам.

– Сюрреализм какой-то, бред сумасшедшей. Кирилл здесь, среди дикой природы, крови и грязи? Бред. Да он здесь и дня бы не выжил. А я? Я-то выжила. Почему же отказываю в такой возможности ему? Не верю, что он сможет то, что может Семен? А может, смог бы? Ума здесь большого не надо, здесь нужно...

А что нужно? Умение, опыт, практическая хватка? Смелость, решительность, упорство? Разве у Кирилла этого нет? Наверное, в бизнесе без этого не обойтись. Так почему же Кирилл не мог оказаться на месте Семена?

Как Ольга ни пыталась, она не могла представить своего любимого в её сегодняшней действительности. Ну, не вязался образ Кирилла с тем, что её сейчас окружало. Она даже стала воображать, что они с Кириллом волей случая попали в подобную ситуацию, и им нужно было выжить, не умереть от голода и не стать добычей зверя. Возможно такое? Как бы повел себя Кирилл? Про себя она уже все знает, а вот про него?

За свою жизнь ей пришлось многое испытать, преодолеть трудные жизненные обстоятельства, и только её упорство, безмерное трудолюбие, самоограничение и своевременная

финансовая помощь неродного деда помогли добиться того, к чему она стремилась. Кирилл, как она слышала, вырос в благополучной, состоятельной семье, родители ничего не жалели для младшего сына, какие-то его родственники на руководящих постах вовремя подсуетились и помогли ему встать на ноги. Он оправдал надежды близких, сумел правильно распорядиться капиталом, связями, стать одним из них и теперь помогал родственникам.

– Ты хочешь сказать, что Кирилл – маменькин сыночек? – задумалась Ольга. – Что он слабак, и вытащи его из Москвы, забрось в глухомань, подобную этой, и он пропадет? С чего такие мысли? Да, может, он Семену сто очков вперед дал бы, а? Только вел бы себя не в пример этому мужлану прилично! Чтобы обвинять человека, нужны доводы, а у тебя их нет. Да и зачем Кириллу нужна вся эта робинзонада? Он умеет выживать в диких джунглях мегаполиса, отбиваться от зубастых конкурентов, дает возможность жить другим, а то что выглядит не как дикарь, так это в его пользу говорит...

– Ты, мать, от одиночества сама с собою разговаривать начала? – на пороге стоял Семен. А она и не слышала, как он вошел. Вот проклятая тишина, совсем отбила слух. – А чем это так вкусно пахнет? Стой! Не говори, я сам догадаюсь. Пельмени!

Ольга усмехнулась: она слепила сотню и выставила их на доске на мороз до прихода хозяина. Он не мог их не заметить, но сделал вид. И про сбитый замок ни слова.

– Через сколько тебя ждать? – поинтересовалась женщина. – Когда ставить варить?

– Ради такого случая шкурки подождут до завтра, а сегодня пируем! Что на тебя нашло?

– Так, воспоминания.

– А в твоих воспоминаниях нет еще чего-нибудь вкусенького, например лапши куриной? – засмеялся Семен. – Я обожаю лапшу, особенно домашнюю, крупно нарезанную, на яичках.

– Неси петуха, яйца и будет тебе лапша, – парировала Ольга, запуская в кастрюлю пристывшие на морозе пельмени. – Полсотни хватит на раз? – поинтересовалась она.

– Не хватит, еще сварим.

Избушка наполнилась восхитительным запахом мяса, лаврового листа и уксусной эссенции.

– Знаешь, а ведь это мое любимое блюдо, – проговорил Семен, не отрываясь от пельменей. – У нас дома редко готовили их, но вот у бабки со стороны отца это было на столе каждый выходной. Я пацаном всегда бегал к бабке. Только она в бульон еще толстых макарон добавляла, такие, знаешь, с дырочкой внутри? Нас, внуков, у неё шестеро было, мяса не напасешься, и вот для сытости она макароны клала. Ничего вкуснее не было на свете. Уже потом, сколько ни пробовал в ресторане или у кого в гостях, таких пельменей, как у бабки, не было. А вот твои очень похожи, только макарон нет.

– В следующую партию добавлю, – пообещала Ольга. Ей было приятно, что Семен оценил её пельмени, а то, что они были схожи в своей любви к этому блюду, даже согрело душу.

Следующий день Семен планировал полностью посвятить обработке шкурок, а заодно и мясо закоптить.

– Из последней партии мяса тушенки наварю, знатная будет тушенка, – делился он с Ольгой. – Тебе такое дело не доверю, тут чутье особое нужно, чтобы мясо не переварить, а то как тряпка будет. Меня батя научил момент уловить, когда готовое с огня снимать. Тут дело на минуты, а то и на секунды идет.

– Да ладно выдумывать, – не поверила женщина. – Тоже мне нанотехнологии.

– Слушай, – вскипел Семен, – а не хочешь ты завтра прогуляться куда подальше! Толку от тебя ноль, только мешаться будешь.

– С удовольствием, – буркнула в ответ Ольга.

Действительно, провести весь день в компании хлопчущего Семена перспектива еще та. Если день не будет слишком мглистым, то она прогуляется к дальнему склону – там ей еще не

довелось побывать. Правда, в той стороне, кроме нагромождения валунов, ничего интересного, но зато можно с высоты обозреть всю поляну. Запечатлеть, так сказать, в памяти место, где она провела почти три месяца. И, кстати, обдумать момент своего возвращения. Интересно, её объявили в розыск? И как она будет объяснять, где провела столько времени? Придется сдать Семена. Пусть выкручивается!

Последняя мысль не показалась ей разумной. Конечно, в плену она оказалась не только по воле Семена, но и по своей глупости, значит, какая-то часть вины лежит и на ней. Правильнее будет мирно расстаться и забыть эту поляну и все, что на ней происходило, как страшный сон. Будем считать, что она в экстремальном отпуске побывала. Некоторые же ищут такие места, чтобы нервы пощекотать: на сафари в Африку летают, на Эверест забираются, по горным рекам сплавляются с риском разбиться о камни.

Ей, можно сказать, повезло: чистый воздух, здоровая пища, спокойно-размеренная жизнь. И нервы подлечила тишиной и ежедневным десятичасовым сном. Ладно, во всем нужно видеть хорошую сторону. Игра под названием уральская пленница подошла к концу, скоро начнутся привычные будни бизнес-леди.

Семен сообщил, что через пару-тройку дней они начнут собирать манатки, грузить вертолет. Так что завтрашняя вылазка будет прощальной, когда ей еще доведется пройти на лыжах по заповеднику?!

Вечер в избушке завершился долгим чаепитием, и только одно неприятное происшествие под конец подпортило им настроение: уже укладывались по спальникам, когда в окно что-то грохнуло.

Ольга подскочила от неожиданности.

– Не парься, – ответил со своего места Семен. – Это сова. Их иногда привлекает свет в окне. Вот и прут, безмозглые. Бывает, выйдешь утром, а она со свернутой шеей валяется под окном. Слышала, киты на берег выбрасываются? Тоже загадка природы.

– Я слышала, что стук птицы в окно предвещает несчастье, – заметила Ольга. – Будто чья-то неупокоенная душа предупреждает...

– Ерунда, не заморачивайся. Ничего нам не сделается. Спи.

Утро следующего дня было как по заказу. После завтрака Семен занялся делами, а Ольга, разложив по карманам спички, лепешку и куски холодного мяса, встала на лыжи, вдохнула чистый морозный воздух, улыбнулась искрящемуся снегу и споро двинула в сторону перевала. До него было не менее часа ходьбы, и если все будет, как запланировано, то к обеду она вернется.

После стольких дней сырой мглы, тяжелых снежных туч, нависших над головой, и сводящего с ума безмолвия яркий день бодрил, поднимал настроение, а мысль, что скоро она окажется в привычной для себя среде, заставляла сердце радостно трепетать. Если бы она могла, она бы запела, но бог её лишил напрочь слуха, поэтому она в такт шагам ритмично читала подходящие случаю стишки из учебника литературы.

– Мо-роз-и-солн-це-день-чу-дес-ный... Бе-лая-бе-ре-за-под-мо-им-ок-ном... Мо-роз-во-е-во-да-до-зо-ром-об-хо-дит-вла-день-я-свои...

Стало жарко. Ольга расстегнула верхнюю застежку на куртке. Градусов пятнадцать мороза, не больше, подумала она. Самое то для лыжного кросса. Эх, видел бы её сейчас учитель физкультуры, он бы похвалил её за ровный бег, за технику, за скорость. Нет, надо и в Москве выбираться хоть иногда на лыжную базу. Какое удовольствие! А можно и в Альпы отправиться, освоить горные лыжи. Чем она хуже других, которые рисуются на склонах фешенебельных горных курортов! А то, что она быстро освоит горные лыжи, и сомневаться нечего: за какое дело она ни бралась, результатов добивалась. В упорстве и трудолюбии ей не откажешь!

Так, строя планы на ближайшее будущее и признавая свои достоинства, Ольга достигла узкого прохода, через который нужно было пройти, чтобы, поднявшись чуть вверх, оказаться у подножия перевала. С поляны ей казалось это просто, но сейчас крутизна подъема озадачили. Лыжи придется снять. И под ноги надо смотреть внимательно. Ох, зря она затеяла этот прощальный поход! Как бы не свалиться и не сломать чего-нибудь. Если опять с ней придется возиться, как в прошлый раз, когда она заболела, то Семен взбесится, а в гневе он страшен. Она имела возможность убедиться в этом. Так что остороженько, не спеша...

Достигнув первого валуна, который загромождал вход на перевал, Ольга с удовольствием уселась прямо на снег, вытянула гудящие от напряжения ноги.

Какой вид! Жаль, фотоаппарата нет, а то бы запечатлела на память. А какой маленький вертолетик отсюда! А избушки вообще не видно за сугробами и тенью от деревьев. Что там Семен делает, интересно?

Ольга вытащила печенку, сжевала, зачерпнула чистого снега и отправила в рот. Вку-у-у! Но лучше бы сейчас чайку.

Неяркое по-зимнему солнце освещало поляну. Белое в окружении ярко-зеленого. Выше снова полоса белого, а над ней море голубого, разбавленного золотым! Красота!

Сейчас она передохнет и пойдет назад. Может, Семену чем-то помочь, например, вещи упаковать. Да и свои надо проверить. Как там костюмчик? Хотя какой на фиг костюм зимой? Доберусь в этой одежке, а там куплю что-нибудь подходящее. Дома у неё пара шуб... Жаль, не наденешь – размера на четыре убавилась. Вот это фитнес! А то тренеры говорили, что у меня конституция такая. Такая конституция только в городе, в благополучных обстоятельствах, а поляна выявляет истинную твою конституцию!

Надо вставать, а то отморожу себе что-нибудь.

– Эге-гей! – от полноты чувств закричала Ольга. – Я скоро буду дома! Прощай, поляна, прощай Урал!

Откуда-то сверху рухнул ком снега. Ольга задрала голову вверх. Чуть выше валуна, к которому она притулилась, был еще один, побольше. И на нем...

– Геля! Геля!

Собака немного помедлила, потом в два прыжка оказалась рядом с женщиной.

– Девочка моя, нашлась! Ты где была, где пряталась? Я так по тебе скучала! Знаешь, мы скоро отсюда домой. Хорошо, что ты нашлась, значит, полетим вместе. А где твой щенок?

Алабаиха позволяла себя теребить, гладить по морде, заглядывать в глаза и прижиматься лицом к боку. Геля тоже была рада встрече. Она нерешительно подняла лапу и положила на колени женщины, потом приблизила морду и дыхла лицо.

Ольга огляделась. Может, щенок где-то рядом? Но вокруг никакого движения. Значит, Геля продолжает прятать его в укромном месте.

Через минуту собака встала и двинулась вниз. Ольга за ней. Через несколько шагов алабай повернул вправо, к нагромождению огромных глыб, перегородивших подступы к перевалу.

– Эй, ты, куда? Нам на поляну.

Геля обернулась, пошевелила выразительно бровями и ... пропала. Вот только сейчас была на этом месте, а уже нет. Провалилась?

Женщина подошла, присмотрелась. Цепочка следов на снегу указывала направление. Шаг, другой, третий, и она уперлась носом в гранитный бок валуна. В недоумении покрутила головой. Где же Геля? А вот и след... Следы вели к узкой расщелине, образовавшейся от столкновения двух глыб. Одна из них размером с комнату имела вид трапеции, поставленной на основание. Рядом валун формой напоминающий неровный треугольник, вершина которого врезалась в землю. Именно такое положение привело к тому, что между основанием трапеции и вершиной треугольника образовалась щель, сходящая на нет у земли и чуть расширяющаяся в метре над землей. Со стороны она не была видна из-за тени, которую отбрасывала одна из

сторон трапеции, и только с близкого расстояния, идя вдоль одной из сторон трапеции и поднявшись чуть выше, можно было обнаружить лаз. Видно, именно туда и пробралась Геля.

Ольга последовала за собакой. Стараясь не оступиться, она добралась до щели, сняла, а потом просунула вначале туда лыжи, подтянувшись, забралась внутрь. Это был действительно проход, очень узкий, где можно было пробираться лишь бочком. И он резко поворачивал влево. Каменные глыбы сходились наверху, в ущелье было сумрачно, и если бы не следы Гели, Ольга повернула бы назад. Но если собака двигалась вперед, значит, там есть выход.

Выход показался через несколько минут. Зажмурившись от яркого света, женщина огляделась. Перед ней был настоящий каменный лабиринт из наваленных друг на друга каменных глыб. Одни были меньше, другие – больше.

– Представляю, как они летели с высоты! Ужас!

Но долго любоваться было некогда. Собачьи следы петляли между осколками скал и уходили все дальше влево. Пробираться было трудно, да еще лыжи мешали, цеплялись за валуны. Ольга взмокла, пытаясь догнать собаку. Тропка уходила вверх и влево, и вскоре женщина потеряла ориентацию: где сворачивала, где обходила глыбы стороной, где перебиралась по ним сверху? Она опять оглянулась. Если, не дай бог, низовой ветер или снег заметут следы, ей никогда не выбраться отсюда. Она не найдет пути назад. Так что придется идти по собачьим следам и надеяться, что они куда-нибудь да выведут.

Сколько прошло времени, Ольга не представляла, но пора было обедать, это точно. А ведь она планировала к обеду быть дома. Ладно, погуляет еще. Кто её контролирует? Семен, наверняка, за хлопотами и не заметил, что её так долго нет.

Она очень устала, но выхода, кроме как идти вперед, не видела. Когда-то же закончится этот проклятый лабиринт!

И он вдруг закончился. Последним на её пути препятствием был расколотый пополам огромный камень. С одного боку к нему привалилась глыба с отвесным краем, с другого был обрыв, оканчивающийся метрах в тридцати внизу нагромождением вырванных с корнем огромных деревьев. Жуткое зрелище, если смотреть сверху, а если не удержишься и свалишься? Капец!

Следы Гели вели точно в разлом. Ни один здравомыслящий человек не полез бы туда, но что оставалось Ольге? Вернуться она все равно не могла самостоятельно. Значит, аккуратно, бочком, упираясь спиной в камень, надо двигаться через разлом.

– Фу-у-у, слава богу!

Выйдя из узкой щели меж двух половинок валуна, она оказалась на краю ровной площадки, заваленной снегом. Надо было подняться еще...

Каменная река уходила все выше и выше, а слева перед Ольгой предстала немалая по размерам поляна, только формой напоминая треугольник. С запада и севера два катета соединялись длинной гипотенузой – каменной рекой. Обвал пришелся по правой стороне поляны, оставив нетронутой левую часть. Единственный путь на поляну был как раз через проход, через который Ольга сейчас пробралась вслед за собакой.

Вглядевшись, она увидела цепь следов, уходящие к западному краю треугольной поляны. Камни кончились, идти по сугробам было тяжело, и Ольге пришлось вновь встать на лыжи. Теперь стало легче, и вскоре она увидела то, к чему стремился алабай: на краю поляны, под кронами столетних деревьев, стояла избушка, точь-в-точь как та, в которой она прожила последние месяцы с Семеном.

Крыша, заваленная снегом, навес, с подветренной стороны огромная поленница дров. Геля мелькнула у самого дома и исчезла из виду. Женщина приблизилась. Никаких следов, кроме собачьих, вокруг не было.

Это была одна из опытных станций, о которых говорил Семен, а тому – его отец. Теперь понятно, почему отец выбрал для своего незаконного промысла нижнюю поляну. На этой, урезанной, охотиться вряд ли было можно, да и вертолет здесь не посадишь.

– Геля, ты где? – позвала Ольга.

Из-за поленницы послышалось сопение, потом показался мохнатый зад, а вскоре и вся Геля. Она загораживала собой проход между сложенными колотыми дровами и стеной избы, словно пряча что-то.

– Ну, ты чего застыла? – женщина протянула руку к собаке. – Если я за тобой сюда пришла, то вовсе не для того, чтобы тебе навредить, понимаешь?

Геля поняла и сделала шаг в сторону. И тут же из прохода выкатился пушистый комочек с мордашкой, похожей на панду. Темные круги обрамляли глаза щенка, а темный галстук закрывал широкую грудь.

– Как ты вырос! Какой ты хорошенький, – заворковала над щенком Ольга. А тот бесстрашно тыкался ей слюнявой пастью в руки, подскакивал на месте, взвизгивал, одним словом, радовался встрече. – Неужели помнишь, как я тебя спасала? Ах, ты ж мой пушистик!

Женщина схватила в охапку щенка, повалилась в снег и долго тискала упитанное тельце, пока тот облизывал ей лицо и руки.

– Ну, все, хватит, – Ольга слегка оттолкнула щенка, встала, стряхнула с себя снег. – Геля показывай свое жилище.

На двери избушки висел большой амбарный замок. Пошарив сверху, женщина вытащила немаленький ключ, с трудом, но провернула заржавленный механизм, попыталась открыть дверь. Не тут-то было. Дверь от времени чуть перекосило, и нужен был топор, чтобы открыть её.

– Давай поищем что-нибудь железное, чтобы вот здесь приподнять, – обратилась женщина к собаке. Та молча наблюдала за действиями гостыи. – Топор, лопату, кол... Нет ничего такого? Хотя кого я спрашиваю! Так надо сообразить... Если есть дрова, значит, был и топор. Вряд ли его в дом занесли, обычно топор оставляют рядом с поленницей.

Ольга вернулась к поленнице, обошла её, и за домом обнаружила огромный пенек, который и служил для колки дров. Сейчас на нем красовалась шапка снега, которую Ольга сдвинула ногой. Топора не было.

– Так, еще одна попытка. Здесь нет, там нет... Да вот же он!!

Тот, кто колот здесь в последний раз дрова, вогнал топор в стену избы. Топор, конечно, от времени рассохся, но если его опустить на какое-то время в воду, то он быстро реанимируется. А пока пусть послужит рычагом для открытия двери.

Пусть с трудом, но дверь Ольга открыла. Сверху на неё посыпалась труха, наверное, потолок подгнил. Большую часть сеной занимали два больших ящика, обитых жестяными полосами. Дверь в саму избу открылась без проблем.

Так, печь, стол, лавки, два лежака. Еще прибита широкая полка, на ней затянута паутиной кастрюля, миски, чайник и что-то еще. Разберемся. Возле печи десяток полешек. Под потолком на больших гвоздях брезентовые мешки. В этом соль, в этом спички, еще в одном какая-то непонятная смесь с запахом гнили... О, свечи!

На низком оконце стояла керосиновая лампа с прокопченным стеклом, когда Ольга потрясла её – внутри булькнуло. Отлично!

В отличие от избушки, где останавливался Семен, здесь не было мусора, все было прибрано и оставлено до следующего раза в полном порядке. По всему видно, люди собирались вернуться.

Так, здесь она все обследовала, теперь нужно осмотреть снаружи. В противоположной от поленницы стороне, располагался навес. Сейчас под ним был снег, но можно было разглядеть верх железной бочки.

– Так, это мне знакомо. Неужели и ванна где-то здесь прячется?

Ольга начала расшвыривать снег, но ванны не обнаружила. Значит, сделала она вывод, ученые не занимались обработкой шкур, не за тем они сюда добирались.

– Хорошее местечко! – оценила Ольга. – Жаль, раньше не обнаружила. Хотя зачем мне она нужна была? Да и сейчас ни к чему, скоро, ту-ту, домой. Вот только с Гелей нужно что-то решать. Гелечка, где ты?

Собака появилась бесшумно. Зато щенок, пока пробирался по сугробам, так пыхтел и фыркал, что слышно было на всю округу.

– Будем думать, как смягчить сердце Семена, да, пушистик? Кстати, а как мы тебя назовем? Пушистиком? Нет, для алабая это несерьезно. Надо имя, производное от материнского. Если мать Геля, то ты – Гелий, Гелик! Согласен?

Щенок снова полез целоваться, словно радуясь приобретенному имени.

Ольга вышла из-под навеса, дошла до двери в избушку.

– Гелик, ко мне!

Понял ли щенок команду или нет, но радостно помчался к женщине, взбаламучивая вокруг себя снег. Геля же смотрела со стороны и только тревожно дергала мордой – она тоже решала про себя сложную жизненную задачу.

Сегодня она впервые покинула треугольную поляну и сразу наткнулась на прежнюю хозяйку. Какие-то неведомые предчувствия погнали её туда, где так жестоко расправились с её щенками. Она не решилась подходить ближе, опасаясь винтовки хозяина, но в то же время чувствовала необходимость передать свою неосознанную тревогу людям. Но как? Вот она привела сюда женщину. Зачем? Она не знает, но чувствует, что это нужно было сделать.

– Ты чего задумалась, мамаша? – Ольга запустила руку в густую шерсть собаки. – Мне пора возвращаться. Проводишь меня? А ты, Гелик, оставайся дома, жди мать, понял?

Она натянула лыжи и двинулась в сторону прохода. Обернулась.

– Геля, за мной!

Наверное, такой собачьей команды нет, но Геля послушно потрусил рядом. Щенок со всех ног кинулся вслед. Мать остановилась, оглянулась и тихо рыкнула. Словно на невидимую стену наткнулся щенок: застыл, заскулил, но послушался и не сдвинулся с места, пока женщина и собака уходили к каменной реке.

– Строго ты с ним, – похвалила собаку Ольга. – Но так и надо воспитывать, не то детки на голову сядут.

До наступления сумерек оставалось совсем мало времени, следовало спешить. Геля, не торопясь, пробиралась по лабиринту, иногда останавливалась, дожидаясь, когда женщина преодолеет еще один крутой поворот. Путь назад занял меньше времени, и возле первого ущелья, где они сегодня встретились, собака и женщина оказались за два часа.

Последние лучи солнца еще освещали верхушки гор, а на поляне уже лежала лиловая тьма.

– Дальше я сама, – присела перед собакой Ольга. – Ты со мной не ходи, мало ли что. Я поговорю с Семеном, и тогда решим, что делать с тобой и Геликом. Поняла меня?

Геля подвигала лицом.

– Ну, и молодец! Беги к своему детенышу, а мне сегодня влетит за то, что я так долго гуляла. Пока.

Возле избушки Ольга оказалась через час с небольшим. Свет в окне сигнализировал, что Семен дома.

Интересно, беспокоился он обо мне или даже не заметил моего долгого отсутствия? Будет ругать или обойдется? Есть охота!

Кусок мяса, что она брала с собой и лепешку, она на радостях от встречи скормила Гелику, и сейчас чувствовала – голодный спазм скрутил желудок. Многочасовая прогулка

зимой выжала из неё все соки, и она готова была съесть любую бурду, лишь бы была горячей и сытной.

– Ну, вот и здоровый аппетит появился. Что значит физическая нагрузка, – бормотала себе под нос Ольга, ставя лыжи у крыльца.

Ей предстояло хорошенько продумать разговор с Семеном о Геле и щенке, уговорить его простить собаку и взять с собой. Не пропадать же им здесь среди дикой природы. Не то в следующий раз, когда придется вновь посетить поляну, кто знает, может, одичавшие животные будут представлять такую же опасность, как волк или рысь.

Два следующих дня прошли в сборах. Семен упаковывал шкурки, складывал в ящики копченые рыбины и обмазанные толстым слоем куски мяса. Ольга занималась будничными делами, радуясь, что большая часть продуктов съедена, а значит, тяжелые ящики с тушенкой не придется тащить к вертолету.

Было солнечно, заметно потеплело, что было не характерно для этого времени года.

– Скоро Никола, а тепло, – удивлялся Семен. – Правильно ученые говорят, что наступает глобальное потепление. Где это видано, чтобы в декабре тепло стало, как в марте? Ну, да нам это на руку: снег осядет, уплотнится. Сегодня пойду агрегат готовить.

Отправившись к ручью за водой, Ольга видела, как Семен пусть с трудом, но стянул маскировочную сеть с вертолета и начал откидывать снег, наваливший по самое железное пузо. Работа была не из легких. Справившись с основной массой снега, Семен начал утрамбовывать площадку вокруг вертолета, а Ольге крикнул, чтобы она брала лопату и прочищала тропу от дома, чтобы было удобнее таскать вещи.

– Ни фиги себе, – пробормотала себе под нос женщина. – Да тут метров пятьсот, не меньше!

Но с хозяином спорить – только нарываться на грубость. Надо браться за дело. До сумерек они успели сделать многое, во время ужина почти не разговаривали: Ольга от усталости, а Семен, видно было, обдумывал какую-то мысль. Ольга хотела завести речь о Геле, но подумала, что не вовремя. Настроение у Семена сегодня не очень, и провоцировать его на вспышку гнева не стоило.

Легли спать пораньше, чтобы восстановить силы. Ольге снова приснился экзотический берег с набегающими на берег шуршащими волнами. Она видела отдыхающих, загорелых, веселых. Они перекидывали мяч через сетку, кричали, хохотали, но все заглушал шум волн. Даже визг детей, кидающихся навстречу накатывающей волне, не был слышен. Мерный, монотонный, шуршащий звук, будто проводили наждачкой по камню, заполнил её сон и начал утомлять. Она попыталась отвлечься от него, но ничего не получалось. Звук стал слышнее, и она проснулась.

В избушке темно, и только малюсенький язычок пламени проглядывал сквозь железную дверцу печки. Семен по обыкновению храпит, и какой-то странный скрежещущий звук доносится снаружи.

Женщина выбралась из спальника, подошла к оконцу, но ничего не смогла разглядеть.

Набросив на плечи куртку, сунув босые ноги в сапоги, Ольга решила выглянуть наружу. В сенях звук стал слышнее.

Дождь!! Вот это да! Среди зимы такой ливень!

Она чуть приоткрыла дверь и высунула наружу руку. Теплую кожу обожгло ледяным огнем. Расплавленный лед тек с неба. Такого она еще не видела. Две деревянные ступеньки, ведущие в сени, покрылись не просто ледяной коркой, а представляли собой выпуклые прозрачные кочки, на которые было страшно ступить. Ольга присела на корточки и потрогала

верхнюю ступеньку. Так и есть: дождь льется и тут же застывает льдом. Катаклизм! Завтра будет не поляна, а каток! Этого еще только не хватало!

Зябко передернув плечами, она вернулась в избу, юркнула в спальник и попыталась под мерный шум дождя уснуть.

Вспомнился один момент, когда Москву тоже накрыл ледяной дождь. Не выдержали электрические провода и лопнули, как нитки, толстые ветки деревьев отламывались под тяжестью наледи, как хрустальные, где-то обрушились не сильно укрепленные навесы и крыши киосков. Короче, ледяной дождь натворил дел. А чем это явление природы грозит им? Конечно, добираться до вертолета по ледяной тропе будет проблематично, но уж как-нибудь. Да, с утра надо крыльцо ото льда отчистить, а то навернешься, костей не соберешь.

С этой мыслью она и уснула.

Пробуждение было страшным. Взбесившийся Семен громко матерился, сыпал в адрес природы проклятья, зверем смотрел на Ольгу, словно это она была виновата в том, что небо разразилось не очередным снегопадом, а ливнем.

– Знак мне был, знак! – орал Семен. – Алка не полетела со мной! Мне бы, дураку, задуматься, что все против этой поездки складывается, а я...

Тут он глянул на съжившуюся в углу Ольгу.

– А, может, это ты наколдовала, наворожила? Тебе же все не нравилось здесь! С...п...ё...б...

Расширившимися от ужаса глазами женщина наблюдала за впавшим в ярость охотником и не могла понять, что случилось. А тот умудрялся развить такую скорость бега от двери до лежаков и обратно, что казалось, деревянный пол задымится от трения. Несколько раз он выбегал в сени, и Ольге было слышно, как он надрывается в истерическом крике.

Обстановка в избушке накалялась. Женщина мышкой прошмыгнула к печке, сдернула с веревки свои вещи и торопливо оделась.

– Ты можешь объяснить, что случилось? – вклинилась в поток ругательств Ольга. – И причем тут мое колдовство? Если бы умела это делать, я бы еще три месяца назад заставила тебя вернуть меня на место.

– Лучше молчи! Молчи! – Семен ткнул кулаком в стену избы. – Ведь никаких признаков не было! Что за попадалово!!

Так ничего не объяснив, Семен рухнул на свой лежак, обхватил голову руками и застонал, как от невыносимой зубной боли. Его отчаяние было столько красноречивым, а реакция такой бурной, что Ольге тоже стало страшно. Возможно, ледяной дождь предвещает потоп, и их поляна в итоге окажется на дне горного озера? Тогда почему они сидят, а не выбирают куда-нибудь повыше? Может, сказать сейчас Семену об избушке, которая находится гораздо выше их поляны. Хотя нет, глупо. Вертолет же стоит здесь, а без него им никогда не выбраться из заповедника. Вертолет за веревочку не потянешь за собой.

– Послушай, Семен, – тихо проговорила со своего места женщина. – Подожди расстраиваться. Ну, кончится этот ливень... Не век же...

– Ты – дур-р-р-ра! – снова заорал Семен. – Конечно, он кончится! А дальше? Ты понимаешь, что обледеневший вертолет в воздух не поднять!! Ледяной дождь – это панцирь, это как еще одна стальная обшивка. Думаешь, завтра солнце пригреет, лед растает, и все будет путем? Нет, милочка! Хочешь, скажу, что будет через несколько часов после того, как дождь кончится? Слушай. После вот таких зимних дождей, ударяет сильнейший мороз. Все, что обледенело, под тяжестью начинает ломаться, крошиться. Железо не выдерживает!! А вертолет сделан из алюминиевого сплава. Он легкий... Да что я тебе объясняю! Короче, если чуда не произойдет, застряли мы с тобой на неопределенное время. Поняла? А может, и навсегда. Кто нас здесь искать будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.